

Платон. Государство (Книги 1-10)

Книга первая

Кефал. Ведь в старости возникает полнейший покой и освобождение от всех этих вещей; ослабевает и прекращается власть влечений, и во всех отношениях возникает такое самочувствие, как у Софокла, то есть чувство избавления от многих неистовствующих владык. А огорчения по поводу этого, как и домашние неприятности, имеют одну причину, Сократ, - не старость, а самый склад человека. Кто вел жизнь упорядоченную и был добродушен, тому и старость лишь в меру трудна. А кто не таков, тому, Сократ, и старость, и молодость в тягость. Сократ. Как поэты любят свои творения, а отцы - своих детей, так и разбогатевшие люди заботливо относятся к деньгам - не только в меру потребности, как другие люди, а так, словно это их произведение. Общаться с такими людьми трудно: ничто не вызывает их одобрения, кроме богатства. Кефал. ...Обладать состоянием - это, конечно, очень хорошо, но не для всякого, а лишь для порядочного человека. Сократ. Прекрасно сказано, Кефал, но вот что касается этой самой справедливости: считать ли нам ее попросту честностью и отдачей взятого в долг, или же одно и то же действие бывает подчас справедливым, а подчас и несправедливым? Полемарх. ...Это будет искусство приносить пользу друзьям, а врагам причинять вред. Сократ. Так что, и по-твоему, и по Гомеру, и по Симониду, справедливость это нечто воровское, однако направленное на пользу друзьям и во вред врагам? ...Нужно ли теперь дополнить тем, что справедливо делать добро другу, если он хороший человек, и зло - врагу, если он человек негодный? ... Значит, справедливому человеку свойственно наносить вред некоторым людям? ... И они, если им нанесен вред, теряют свои человеческие достоинства? ... И те из людей, друг мой, кому нанесен вред, обязательно становятся несправедливыми? ... А справедливые люди посредством справедливости могут сделать кого-либо несправедливыми? Или вообще: могут ли хорошие люди с помощью своих достоинств сделать других негодными? Фрасимах. Справедливость, утверждаю я, это то, что пригодно сильнейшему. ... В каждом государстве силу имеет тот, кто у власти. ... Устанавливает же законы всякая власть в свою пользу: демократия демократические законы, тирания - тиранические, так же и в остальных случаях. Установив законы, объявляют их справедливыми для подвластных - это и есть как раз то, что полезно властям, а престапующего их карают как нарушителя законов и справедливости. Так вот я и говорю, почтеннейший Сократ: во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти. А ведь она - сила, вот и выходит, если кто правильно рассуждает, что справедливость - везде одно и то же: то, что пригодно для сильнейшего. Скажи-ка мне, Сократ, у тебя есть нянька? ... Да пусть твоя нянька не забывает утирать тебе нос, ты ведь у нее не отличаешь овец от пастуха. ... Потому что ты думаешь, будто пастухи или волопасы заботятся о благе овец или волов, когда откармливают их и холят, и что делают они это с какой-то иной целью, а не ради блага владельцев и своего собственного. Ты полагаешь, будто и в государствах правители - те, которые по-настоящему правят, относятся к своим подданным как-то иначе, чем пастухи к овцам, и будто они днем и ночью только и думают о чем-то ином, а не о том, откуда бы извлечь для себя пользу. "Справедливое", "справедливость", "несправедливое", "несправедливость" - ты так далек от всего этого, что даже не знаешь: справедливость и справедливое - в сущности это чужое благо, это нечто, устраивающее сильнейшего, правителя, а для подневольного исполнителя это чистый вред, тогда как несправедливость - наоборот... Подданные осуществляют то, что пригодно правителю, так как в его руках сила. Вследствие их исполнительности он благоденствует, а сами они - ничуть. Частичное нарушение справедливости, когда его обнаружат, наказывается и покрывается величайшим позором. Такие частичные нарушители называются, смотря по виду своих злодеяний, то святотарцами, то похитителями рабов, то взломщиками, то грабителями, то ворами. Если же кто, мало того что лишит граждан имущества, еще и самих их поработит, обратив в невольников, его вместо этих позорных наименований называют преуспевающим и благоденствующим, и не только его соотечественники, но и чужеземцы, именно потому, что знают: такой человек сполна осуществил несправедливость. Ведь те, кто порицает несправедливость, не порицают совершение несправедливых поступков, они просто боятся за себя, как бы им самим не пострадать. Так вот, Сократ: достаточно полная несправедливость сильнее справедливости, в ней больше силы, свободы и властности, а справедливость, как я с самого начала и говорил, - это то, что пригодно сильнейшему, несправедливость же целесообразна и пригодна сама по себе. Сократ. Если бы государство состояло из одних только хороших людей, все бы, пожалуй, оспаривали друг у друга возможность устраниваться от управления, как теперь оспаривают власть. Отсюда стало бы ясно, что по существу подлинный правитель имеет в виду не то, что пригодно ему, а то, что пригодно подвластному, так что всякий понимающий это человек вместо того, чтобы хлопотать

о пользе другого, предпочел бы, чтобы другие позаботились о его пользе. Я ни в коем случае не уступлю Фрасимаху, будто справедливость - это то, что пригодно сильнейшему. - Ну-ка, Фрасимах, отвечай нам с самого начала. Ты утверждаешь, что совершенная несправедливость полезнее совершенной справедливости? - Конечно, я это утверждаю, и уже сказал почему. И я говорю, что несправедливость целесообразна, а справедливость - нет! - Ну и что же тогда получается? ... Неужели, что справедливость порочна? - Нет, но она - весьма благородная тупость. - Но называешь ли ты несправедливость злоумышленностью? - Нет, это здравомыслие. - Разве несправедливые кажутся тебе разумными и хорошими? - По крайней мере те, кто способен довести несправедливость до совершенства и в состоянии подчинить себе целые государства и народы. А ты, вероятно, думал, что я говорю о тех, кто отрезает кошельки? Впрочем, и это целесообразно, пока не будет обнаружено. Но о них не стоит упоминать; иное дело то, о чем я сейчас говорил. - Мне прекрасно известно, что ты этим хочешь сказать, но меня удивляет, что несправедливость ты относишь к добродетели и мудрости, а справедливость - к противоположному. - Конечно, именно так. - Это уж слишком резко, мой друг, и не всякий найдет, что тебе сказать. Если бы ты утверждал, что несправедливость целесообразна, но при этом, подобно другим, признал бы ее порочной и позорной, мы нашли бы, что сказать, согласно общепринятым взглядам. А теперь ясно, что ты станешь утверждать, будто несправедливость - прекрасна и сильна... ...Признаешь ли ты, что государство может быть несправедливым и может пытаться несправедливым образом поработить другие государства и держать их в порабощении, причем многие государства бывают порабощены ими? - А почему бы нет? Это в особенности может быть осуществлено самым превосходным из государств, наиболее совершенным в своей несправедливости. - Я понимаю, что таково твое утверждение. Но я вот как его рассматриваю: государство, становясь сильнее другого государства, приобретает свою мощь независимо от справедливости или обязательно в сочетании с нею? Хотя мы и говорим, что когда-то кое-что было совершено благодаря энергичным совместным действиям тех, кто несправедлив, однако в этом случае мы выражаемся не совсем верно. Ведь они не пощадили бы друг друга, будь они вполне несправедливы, стало быть ясно, что было в них что-то и справедливое, мешавшее им обижать друг друга так, как тех, против кого они шли.

Книга вторая

Главкон. Скажи-ка мне, представляется ли тебе благом то, что для нас приемлемо не ради его последствий, но ценно само по себе? Вроде как, например, радость или какие-нибудь безобидные удовольствия - они в дальнейшем ни к чему, но они веселят человека. - К какому же виду благ ты относишь справедливость? - Я-то полагаю, что к самому прекрасному, который и сам по себе, и по своим последствиям должен быть ценен человеку, если тот стремится к счастью. - А большинство держится иного взгляда и относит ее к виду тягостному, которому можно предаваться только за вознаграждение, ради уважения и славы, сама же она по себе будто бы настолько трудна, что лучше ее избегать. Фрасимах, по-моему, слишком скоро поддался, словно змея, твоему заговору, а я все еще не удовлетворен твоим доказательством как той, так и другой стороны вопроса. Я желаю услышать, что же такое справедливость и несправедливость и какое они имеют значение, когда сами по себе содержатся в душе человека; а что касается вознаграждения и последствий, это мы оставим в стороне. Говорят, что творить несправедливость обычно бывает хорошо, а терпеть ее плохо. Однако, когда терпишь несправедливость, в этом гораздо больше плохого, чем бывает хорошего, когда ее творишь. Поэтому, когда люди отведали и того и другого, то есть и поступали несправедливо, и страдали от несправедливости, тогда они... нашли целесообразным договориться друг с другом, чтобы и не творить несправедливости, и не страдать от нее. Отсюда взяло свое начало законодательство и взаимный договор. Установления закона и получили имя законных и справедливых - вот каково происхождение и сущность справедливости. Таким образом, она занимает среднее место - ведь творить несправедливость, оставаясь притом безнаказанным, это всего лучше, а терпеть несправедливость, когда ты не в силах отплатить, - всего хуже. Справедливость же лежит посередине между этими крайностями, и этим приходится довольствоваться, но не потому, что она благо, а потому, что люди ценят ее из-за своей собственной неспособности творить несправедливость. Никому из тех, кто в силах творить несправедливость, то есть кто доподлинно муж, не придет в голову заключать договоры о недопустимости творить или испытывать несправедливость - разве что он сойдет с ума. Такова, Сократ, - или примерно такова - природа справедливости, и вот из-за чего она появилась, согласно этому рассуждению. А что соблюдающие справедливость соблюдают ее из-за бессилия творить несправедливость, а не по доброй воле, это мы всего легче заметим, если мысленно сделаем вот что: дадим полную волю любому человеку, как справедливому, так и несправедливому, творить все, что ему угодно, и затем понаблюдаем, куда его поведут его влечения. Мы поймаем справедливого человека с поличным: он готов пойти точно на то же самое, что и несправедливый, - причина тут в своекорыстии, к

которому как к благу, стремится любая природа, и только с помощью закона, насильственно ее заставляют соблюдать надлежащую меру. Вот это и следует признать сильнейшим доказательством того, что никто не бывает справедливым по своей воле, но лишь по принуждению, раз каждый человек не считает справедливость самое по себе благом, и, где только в состоянии поступать несправедливо, он так и поступает. Ведь всякий человек про себя считает несправедливость гораздо более выгодной, чем справедливость... Если человек, овладевший такою властью, не пожелает когда-либо поступить несправедливо и не притронется к чужому имуществу, он всем, кто это заметит, покажется в высшей степени жалким и неразумным, хотя люди и станут притворно хвалить его друг перед другом - из опасения, как бы самим не пострадать. Вот как обстоит дело. Адимант. И отцы, когда говорят и внушают своим сыновьям, что надо быть справедливыми, и все, кто о ком-либо имеет попечение, одобряют не самое справедливость, а зависящую от нее добрую славу, что бы тому, кто считается справедливым, достались и государственные должности, и выгоды в браке, то есть все то, о чем сейчас упоминал Главкон, говоря о человеке, пользующемся доброй славой, хотя и несправедливым. Более того, эти люди ссылаются и на другие преимущества доброй славы. Они говорят, что те, кто добился благосклонности богов, получают от них блага, которые, как они считают, боги даруют людям благочестивым. А согласно другим учениям, награды, даруемые богами, распространяются еще дальше: после человека благочестивого и верного клятвам останутся дети его детей и все его потомство. Вот за что - и за другие вещи в этом же роде восхваляют они справедливость. А людей нечестивых и неправедных они погружают в какую-то трясину в Аиде и заставляют носить решетом воду. Все в один голос твердят, что рассудительность и справедливость - нечто прекрасное, однако в то же время тягостное и трудное, а быть разнузданным и несправедливым приятно и легко и только из-за общего мнения и закона это считается постыдным. Говорят, что несправедливые поступки по большей части целесообразнее справедливых: люди легко склоняются к тому, чтобы и в общественной жизни, и в частном быту считать счастливыми и уважать негодяев, если те богаты и вообще влиятельны, и не во что не ставить и презирать каких-нибудь немощных бедняков, пусть даже и признавая, что они лучше богачей. Из всего этого наиболее удивительны те взгляды, которые высказывают относительно богов и добродетели, - будто бы и боги уделяют несчастье и плохую жизнь многим хорошим людям, а противоположным - и противоположную участь. Нищенствующие прорицатели околачиваются у дверей богачей, уверяя, будто обладают полученной от богов способностью жертвоприношениями и заклинаниями загладить тяготеющий на ком-либо или на его предках проступок, причем это будет сделано приятным образом среди празднеств. ...Они уверяют, что с помощью каких-то заклятий и узелков они склоняют богов себе на службу. И сколько же такой всякой всячины, дорогой Сократ, утверждается относительно добродетели и порочности и о том, как они расцениваются у людей и у богов! Что же под впечатлением всего этого делать, скажем мы, душам юношей? ... По всей вероятности, юноша задаст самому себе вопрос наподобие Пиндара: Правдой ли взойти мне на вышнюю крепость Или обманом и кривдой - и под их защитой провести жизнь? Судя по этим рассказам, если я справедлив, а меня таковым не считают, пользы мне от этого, как уверяют, не будет никакой, одни только тяготы и явный ущерб. А для человека несправедливого, но снискавшего себе славу справедливого жизнь, как утверждают, чудесна. Но, скажет кто-нибудь, нелегко все время скрывать свою порочность. Да ведь и все великое без труда не дается, ответим мы ему. Тем не менее, если мы стремимся к благополучию, приходится идти по тому пути, которым ведут нас эти рассуждения. Чтобы это осталось тайной, мы составим союзы и общества; существуют же наставники в искусстве убеждать, от них можно заимствовать судейскую премудрость и умение действовать в народных собраниях; таким образом, мы будем прибегать то к убеждению, то к насилию, так чтобы всегда брать верх и не подвергаться наказанию. Но, скажут нам, от богов-то невозможно ни утаиться, ни применить к ним насилие. Тогда, если боги не существуют или если они нисколько не заботятся о человеческих делах, то и нам нечего заботиться о том, чтобы от них утаиться. Если же боги существуют ... то следует сначала поступить несправедливо, а затем принести жертвы богам за свои несправедливые стяжания. Ведь, придерживаясь справедливости, мы, правда, не будем наказаны богами, но зато лишимся выгоды, которую нам могла бы принести несправедливость. Придерживаться же несправедливости нам выгодно, а что касается наших преступлений и ошибок, так мы настойчивой мольбой переубедем богов и избавимся от наказания. На каком еще основании выбрали бы мы себе справедливость вместо крайней несправедливости. Ведь если мы владеем несправедливостью в сочетании с притворной благопристойностью, наши действия будут согласны с разумом пред лицом как богов, так и людей и при нашей жизни и после кончины - вот взгляд, выражаемый большинством выдающихся людей. После всего сказанного есть ли какая-нибудь возможность, Сократ, чтобы человек, одаренный душевной и телесной силой, обладающий богатством и родовитый, пожелал уважать

справедливость, а не рассмеялся бы, слыша, как ее превозносят? Да и тот, кто может опровергнуть все, что мы теперь сказали, и кто вполне убежден, что самое лучшее - это справедливость, даже он будет очень склонен извинить людей несправедливых и отнестись к ним без гнева, сознавая, что возмущаться несправедливостью может лишь человек, божественный по природе, и воздерживаться от нее может лишь человек, обладающий знанием, а вообще-то никто не придерживается справедливости по доброй воле: всякий осуждает несправедливость из-за своей робости, старости или какой-либо иной немощи, то есть потому, что он просто не в состоянии ее совершать. Ясно, что это так. Ведь из таких людей первый, кто только войдет в силу, первым же и поступает несправедливо, насколько способен. Сколько бы всех вас ни было, признающих себя почитателями справедливости, никто, начиная от первых героев... никогда не порицал несправедливость и не восхвалял справедливость иначе как за вытекающие из них славу, почести и дары. А самое справедливость или несправедливость, их действие в душе того, кто ими обладает, хотя бы это тайлось и от богов, и от людей, еще никто никогда не подвергал достаточному разбору ни в стихах, ни просто в разговорах, и никто не говорил, что несправедливость - это величайшее зло, какое только может в себе содержать душа, а справедливость - величайшее благо. Так вот ты в своем ответе и покажи нам не только, что справедливость лучше несправедливости, но и какое действие производит в человеке присутствие той или другой самой по себе - зло или благо. Мнений же о справедливости и несправедливости не касайся, как это и советовал Главкон. ... Получится, что ты советуешь несправедливому человеку таиться и соглашаться с Фрасимахом, что справедливость - благо другого, что она пригодна сильнейшему, для которого пригодна и целесообразна собственная несправедливость, слабейшему не нужная. Раз ты признал, что справедливость относится к величайшим благам, которыми стоит обладать и ради проистекающих отсюда последствий, и еще более ради них самих, - каковы зрение, слух, разум, здоровье и разные другие блага, подлинные по самой своей природе, а не по мнению людей, - то вот эту сторону справедливости ты и отметь похвалой, скажи, что она сама по себе помогает человеку, если он ее придерживается, несправедливость же, напротив, вредит. А хвалить то, что справедливость вознаграждается деньгами и славой, ты предоставь другим. Сократ. - Если мы мысленно представим возникающее государство, то увидим там зачатки справедливости и несправедливости, не так ли? Государство возникает, как я полагаю, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но во многом еще нуждается. Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства, не правда ли? ... Так давай же займемся мысленно построением государства с самого начала. Как видно, его создают наши потребности. Прежде всего нам, вероятно, надо смотреть за творцами мифов: если их произведение хорошо, мы допустим его, если же нет - отвергнем. Мы уговорим воспитательниц и матерей рассказывать детям лишь признанные мифы, чтобы с их помощью формировать души детей скорее, чем их тела - руками. А большинство мифов, которые они теперь рассказывают, надо отбросить. Значит, и бог, раз он благ, не может быть причиной всего, вопреки утверждению большинства. Он причина лишь немногих вещей, созданных им для людей, а ко многому он не имеет отношения: ведь у нас гораздо меньше хорошего, чем плохого. Причиной блага нельзя считать никого другого, но для зла надо искать какие-то другие причины, только не бога. Но когда говорят, что бог, будучи благим, становится для кого-нибудь источником зла, с этим всячески надо бороться: никто - ни юноша, ни взрослый, если он стремится к законности в нашем государстве, - не должен ни говорить об этом, ни слушать ни в стихотворном, ни в прозаическом изложении, потому что такое утверждение нечестиво, не полезно нам и противоречит самому себе. ... Водить свою душу в обман относительно действительности, оставлять ее в заблуждении и самому быть невежественным и проникнутым ложью - это ни для кого не приемлемо: здесь всем крайне ненавистна ложь. ... А словесная ложь - это уже воспроизведение душевного состояния, последующее его отображение... Значит, любому божественному началу ложь чужда. ... Значит, бог - это нечто вполне простое и правдивое и на деле, и в слове; он и сам не изменяется и других не вводит в заблуждение ни на словах, ни посылая знамения - ни наяву, ни во сне. ... Боги не колдуны, чтобы изменять свой вид и вводить нас в обман словом или делом.

Книга третья

Сократ. Мы утверждаем, что достойный человек не считает чем-то ужасным смерть другого, тоже достойного человека, хотя бы это и был его друг. Значит, для него совсем не страшно лишиться сына, или брата, или имущества, или чего-либо другого, подобного этому. Ведь надо высоко ставить истину. Если мы правильно недавно сказали, что богам ложь по существу бесполезна, людям же она полезна в качестве лечебного средства, ясно, что такое средство надо предоставить врачам, а несведующие люди не должны к нему прикасаться. Уж кому-кому, а правителям государства надлежит применять ложь как

против неприятеля, так и ради своих граждан - для пользы своего государства, но всем остальным к ней нельзя прибегать. Если частное лицо станет лгать собственным правителям, мы будем считать это таким же - и даже худшим проступком, чем ложь больного врачу... Значит, если правитель уличит во лжи какого-нибудь гражданина... он подвергнет его наказанию за то, что тот вводит гибельный обычай, переворачивающий государство, как корабль. Да в этом случае, мне кажется, нам придется сказать, что и поэты, и те, кто пишет в прозе, большей частью превратно судят о людях; они считают, будто несправедливые люди чаще всего бывают счастливы, а справедливые несчастны; будто поступать несправедливо - целесообразно, лишь бы это оставалось в тайне, и что справедливость - это благо для другого человека, а для ее носителя она - наказание. Подобные высказывания мы запретим и предпишем и в песнях, и в сказаниях излагать как раз обратное. Когда в государстве распространяются распущенность и болезни, разве не потребуется во множестве открыть суды и больницы? И разве не будут в почете судебное дело и врачевание, когда ими усиленно станут заниматься даже многие благородные люди? ... Какое же ты можешь привести еще большее доказательство плохого и постыдного воспитания граждан, если нужду во врачах и искусных судьях испытывают не только худшие люди и ремесленники, но даже и те, кто притязает на то, что они воспитаны на благородный лад? Разве, по-твоему, не позорна и не служит явным признаком невоспитанности необходимость пользоваться, за отсутствием собственных понятий о справедливости, постановлениями посторонних людей, словно они какие-то владыки и могут все решить! А когда нужда в лечении возникает не из-за ранений или каких-то повторяющихся из года в год болезней, но из-за праздности и того образа жизни, о котором мы уже упоминали, - это ли не позорно? Влага и испарения застаиваются тогда, словно в болоте, и это побуждает находчивых Асклепиадов давать болезням названия "ветры" и "истечения". Плотник, когда заболит, обращается к врачу за лекарством... Если же ему назначат длительное лечение, велят кутать голову и так далее, он сразу же скажет, что ему недосуг хворать, да и не к чему будет жить, если обращать внимание на болезнь и пренебрегать надлежащей работой. Распростившись с такого рода врачом, он возвращается к своему обычному образу жизни и, если выздоровеет, продолжает заниматься своим делом; если же его тело не способно справиться с болезнью, наступает конец и избавление от хлопот. ... А у богатого, как мы говорили, нет ведь такого обязательного дела, что ему и жизнь станет не в жизнь, если он будет вынужден от него отказаться. ...Асклепий не делал попыток чуть-чуть облегчить положение больного и, изменяя его образ жизни и затягивая болезнь, удлинить человеку никчемную его жизнь да еще дать ему случай произвести, естественно, такое же точно потомство. Кто в положенный человеку срок не способен жить, того, считал Асклепий, не нужно и лечить, потому что такой человек бесполезен и для себя, и для общества. Порочность никогда не может познать ни добродетель, ни самое себя, тогда как добродетель человеческой природы, своевременно получившей воспитание, приобретет знание и о самой себе, и о порочности. Именно такой человек, кажется мне, и становится мудрым, а вовсе не негодяй. Но какое мы нашли бы средство заставить преимущественно самих правителей - а если это невозможно, так хоть остальных граждан - поверить некому благородному вымыслу из числа тех, которые, как мы недавно говорили, возникают по необходимости? Я попытаюсь внушить сперва самим правителям и воинам, а затем и остальным гражданам, что то, как мы их воспитывали и взращивали, и все, что они пережили и испытали, как бы привиделось им во сне, а на самом деле они тогда находились под землей и вылепливались и взращивались в ее недрах как сами они, так и их оружие и различное изготовляемое для них снаряжение. Когда же они были совсем закончены, земля, будучи их матерью, произвела их на свет. Поэтому они должны и поныне заботиться о стране, в которой живут, как о матери и кормилице, и защищать ее, если кто на нее нападет, а к другим гражданам относиться как к братьям, также порожденным землей. Успех здесь зависит от того, насколько распространится такая молва; мы же, снабдив этих наших земнородных людей оружием, двинемся с ними вперед под руководством правителей. В дополнение к их воспитанию, скажет всякий здравомыслящий человек, надо устроить их жилища и прочее их имущество так, чтобы это не мешало им быть наилучшими стражами и не заставляло бы их причинять зло остальным гражданам. ... Прежде всего никто не должен обладать никакой частной собственностью, если в том нет крайней необходимости. Затем, ни у кого не должно быть такого жилища или кладовой, куда не имел бы доступа всякий желающий. Припасы, необходимые для рассудительных и мужественных знатоков военного дела, они должны получать от остальных граждан в уплату за то, что их охраняют. ... Им одним не дозволено в нашем государстве пользоваться золотом и серебром, даже прикасаться к ним, быть с ними под одной крышей, украшаться ими или пить из золотых и серебряных сосудов. Только так могли бы стражи оставаться невредимыми и сохранить государство. А чуть только заведется у них собственная земля, дома, деньги, как сейчас же из стражей станут они хозяевами и земледельцами; из союзников остальных граждан сделаются враждебными им владыками; ненавидя сами и вызывая к себе ненависть, питая злые умыслы

и их опасаясь, будут они все время жить в большом страхе перед внутренними врагами, чем перед внешними, а в таком случае и сами они, и все государство устремится к своей скорейшей гибели.

Книга четвертая

Тут вмешался Адимант: - Как же тебе защититься, Сократ, - сказал он, - если станут утверждать, что не слишком-то счастливыми делаешь ты этих людей... - ...Мы основываем это государство, вовсе не имея в виду сделать как-то особенно счастливым один из слоев его населения, но, наоборот, хотим сделать таким все государство в целом. Ведь именно в таком государстве мы рассчитывали найти справедливость, а несправедливость, наоборот, в наихудшем государственном строе и на основании этих наблюдений решить вопрос, так долго нас занимающий. ... Не заставляй нас соединять с должностью стражей такое счастье, что оно сделает их кем угодно, только не стражами. Мы сумели бы и земледельцев нарядить в пышные одежды, облечь в золото и предоставить им лишь для собственного удовольствия возделывать землю, а гончары пускай с удобством разлягутся у очага, пьют себе вволю и пируют, пододвинув поближе гончарный круг и занимаясь своим ремеслом лишь столько, сколько им хочется. И всех остальных мы подобным же образом можем сделать счастливыми, чтобы так процветало все государство. Нужно решить, ставим ли мы стражей, имея в виду наивысшее благополучие их самих или же нам надо заботиться о государстве в целом и его процветании. Посмотрим, не это ли портит всех остальных мастеров, так что они становятся плохими... - Что ты имеешь в виду? - Богатство и бедность. ...Разбогатевший горшечник захочет ли, по-твоему, совершенствоваться в своем ремесле? ... Скорее он будет становиться все более ленивым и небрежным. ... А если по бедности он не сможет завести себе инструмента... то его изделия будут хуже и он хуже обучит этому делу своих сыновей и других учеников. ... Значит, и от того, и от другого - и от бедности, и от богатства - хуже становятся как изделия, так и сами мастера. Так, по-видимому, мы нашли для наших стражей еще что-то такое, чего надо всячески остерегаться, как бы оно не проникло в государство незаметным для стражей образом. - Что же это такое? - Богатство и бедность. Одно ведет к роскоши, лени, новшествам, другая кроме новшеств - к низостям и злодеяниям. - Конечно. Однако, Сократ, взвесь и это: как наше государство будет в силах воевать, если оно не располагает денежными средствами, в особенности если оно будет вынуждено вести войну с большим и богатым государством? - Счастлив ты, если считаешь, что заслуживает названия государства какое-нибудь иное, кроме того, которое основываем мы. ... У всех остальных название должно быть длиннее, потому что каждое из них представляет собою множество государств... Как бы там ни было, в них заключены два враждебных между собой государства: одно - бедняков, другое - богачей; и в каждом из них опять-таки множество государств, так что ты промахнешься, подходя к ним как к чему-то единому. Если же ты подойдешь к ним как ко множеству и передашь денежные средства и власть одних граждан другим или самих их переведешь из одной группы в другую, ты всегда приобретешь себе союзников, а противников у тебя будет немного. И пока государство управляется разумно, как недавно и было нами постановлено, его мощь будет чрезвычайно велика; я говорю не о показной, а о подлинной мощи, если даже государство защищает всего лишь тысяча воинов. ... Государство можно увеличивать лишь до тех пор, пока оно не перестает быть единым, но не более этого. ... Потомство стражей, если оно не-удачно, надо переводить в другие сословия, а одаренных людей из остальных сословий - в число стражей. Этим мы хотели сказать, что и каждого из остальных граждан надо ставить на то одно дело, к которому у него есть способности, чтобы, занимаясь лишь тем делом, которое ему подходит, каждый представлял бы собою единство, а не множество: так и все государство в целом станет единым, а не множественным. ... Даже игры наших детей должны как можно больше соответствовать законам, потому что, если они становятся беспорядочными и дети не соблюдают правил, невозможно вырастить из них серьезных, законопослушных граждан. Адимант: - Не стоит давать предписания тем, кто получил безупречное воспитание: в большинстве случаев они сами без труда поймут, какие здесь требуются законы. ... А если нет, вся их жизнь пройдет в том, что они вечно будут устанавливать множество разных законов и вносить в них поправки в расчете, что таким образом достигнут совершенства. Сократ: - По твоим словам, жизнь таких людей будет вроде как у тех больных, которые из-за распущенности не желают бросить свой дурной образ жизни. Забавное же у них будет времяпрепровождение: лечась, они добиваются только того, что делают свои недуги разнообразнее и сильнее, но все время надеются выздороветь, когда кто присоветует им новое лекарство. Далее, разве не забавно у них еще вот что: своим злейшим врагом считают они того, кто говорит им правду, а именно, что, пока они не перестанут пьянствовать, наедаться, предаваться любовным утехам и праздности, им нисколько не помогут ни лекарства, ни прижигания, ни разрезы, а также заговоры, амулеты и тому подобное. ... Следовательно, ты не воздашь хвалы и государству, которое все целиком... занимается чем-то подобным. Мы же в начале, когда основывали государство, установили, что делать это надо непременно во имя целого. Так

вот это целое и есть справедливость или какая-то ее разновидность. Мы установили и после все время повторяли, если ты помнишь, что каждый отдельный человек должен заниматься чем-нибудь одним из того, что нужно в государстве, и притом как раз тем, к чему он по своим природным задаткам больше всего способен. Но заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие - это и есть справедливость, об этом мы слышали от многих других, да и сами часто так говорили. ... Так вот, мой друг, заниматься каждому своим делом - это, пожалуй, и будет справедливостью. Знаешь, почему я так заключаю? ... По-моему, кроме тех свойств нашего государства, которые мы рассмотрели, его рассудительности, мужества и разумности - в нем остается еще то, что дает возможность присутствия их там и сохранения. И мы утверждали, что остаток, после того, как мы нашли эти три свойства, и будет справедливостью. Видно, в вопросе совершенства государства способность каждого гражданина делать свое дело соперничает с мудростью, рассудительностью и мужеством. ... Справедливость состоит в том, чтобы каждый имел свое и исполнял тоже свое. Значит, вмешательство этих трех сословий в чужие дела и переход из одного сословия в другое - величайший вред для государства и с полным правом может считаться высшим преступлением. Значит, это и есть несправедливость. И давай скажем еще раз: в противоположность ей справедливостью будет - и сделает справедливым государство - преданность своему делу у всех сословий - дельцов, ремесленников и стражей, причем каждое из них будет выполнять то, что ему свойственно. Значит, мой друг, мы точно также будем расценивать и отдельного человека: в его душе имеются те же виды, что и в государстве, и вследствие такого же их состояния будет правильным применить к ним те же обозначения. Познаем мы посредством одного из имеющихся у нас свойств, а гнев обусловлен другим, третье же свойство заставляет нас стремиться к удовольствию от еды, деторождения и всего того, что этому родственно. И многое будет многим лишь по отношению к малому, двойное к половинному и так далее; опять-таки и более тяжелое - по отношению к более легкому, более быстрое - к более медленному, горячее - к холодному и так же все остальное, подобное этому. А что сказать о наших знаниях? Не то же ли и там? Знание само по себе соотносится с самим изучаемым предметом, знание какого бы предмета мы ни взяли: оно таково потому, что оно относится к такому-то и такому-то предмету. Я имею в виду вот что: когда научились строить дома, это знание выделилось из остальных, поэтому его называли строительным делом. Какие качества имеет предмет знания, таким становится и само знание. ... Но я не хочу этим сказать, что они имеют сходство с тем, с чем соотносятся, например будто знание здоровья и болезней становится от этого здоровым или болезненным, а знание зла или блага - плохим или хорошим. Знание не становится тем же, что его предмет, оно соотносится со свойствами предмета - в данном случае со свойством здоровья или болезненности, - и это свойство его определяет. И если, несмотря на то, что она душа испытывает жажду, ее все-таки что-то удерживает, значит, в ней есть нечто отличное от вожделеющего начала, побуждающего ее, словно зверя, к тому, чтобы пить. Ведь мы утверждаем, что одна и та же вещь не может одновременно совершать противоположное в одной и той же своей части и в одном и том же отношении. ... Точно так же о том, кто стреляет из лука, было бы, думаю я, неудачно сказано, что его руки тянут лук одновременно к себе и от себя. Надо сказать: "Одна рука тянет к себе, а другая - от себя". ... Мы не без основания признаем двойственными и отличными друг от друга эти начала: одно из них, с помощью которого человек способен рассуждать, мы назовем разумным началом души, а второе, из-за которого человек влюбляется, испытывает голод и жажду и бывает охвачен другими вожделениями, мы назовем началом неразумным и вожделеющим, близким другом всякого рода удовлетворения и наслаждений. ... Так пусть у нас будут разграничены эти два присущих душе вида. Что же касается ярости духа, отчего мы бываем гневливы, то составляет ли это третий вид..? Да и во многих других случаях разве мы не замечаем, как человек, одолеваемый вожделениями вопреки способности рассуждать, бранит сам себя и гневается на этих поселившихся в нем насильников? Гнев такого человека становится союзником его разуму в этой распре, которая идет словно лишь между двумя сторонами. Ну а когда он считает, что с ним поступают несправедливо, он вскипает, раздражается и становится союзником того, что ему представляется справедливым, и ради этого он готов переносить голод, стужу и все подобные этим муки, лишь бы победить; он не откажется от своих благородных стремлений - либо добиться своего, либо умереть, разве что его смирят доводы собственного рассудка, который отзовет его наподобие того, как пастух отзывает свою собаку. - Твое сравнение очень удачно. Ведь в нашем государстве мы поручили его защитникам служить как сторожевым псам, а правителям - как пастухам. - Ты прекрасно понял, что я хочу сказать... Или как в государстве три рода начал, его составляющих: деловое, защитное, совещательное, так и в душе есть тоже третье начало - яростный дух? По природе своей оно служит защитником разумного начала, если не испорчено дурным воспитанием. ... - Это нетрудно обнаружить. На примере малых детей можно видеть, что они, чуть родятся, беспрестанно бывают исполнены гнева, между тем некоторые из них, на

мой взгляд, так и не становятся способными к рассуждению, а большинство становятся способными к нему очень поздно. - Да, клянусь Зевсом, это ты хорошо сказал. Вдобавок и на животных можно наблюдать, что дело обстоит так, как ты говоришь. Но ведь мы не забыли, что государство у нас было признано справедливым в том случае, если каждое из трех его сословий выполняет в нем свое дело. ... Значит, нам надо помнить, что и каждый из нас только тогда может быть справедливым и выполнять свое дело, когда каждое из имеющихся в нас начал выполняет свое. ... Итак, способности рассуждать подобает господствовать, потому что мудрость и попечение обо всей душе в целом - это как раз ее дело, начало же яростное должно ей подчиняться и быть ее союзником. ... Оба эти начала, воспитанные таким образом, обученные и понявшие свое назначение, будут управлять началом вождедеющим, а оно заставляет большую часть души каждого человека и по своей природе жаждет богатства. И мужественным, думаю я, мы назовем каждого отдельного человека именно в той мере, в какой его яростный дух и в горе, и в удовольствиях соблюдает указания рассудка насчет того, что опасно, а что неопасно. А мудрым - в той малой мере, которая в каждом главенствует и дает эти указания, ибо она-то и обладает знанием того, что пригодно и каждому отдельному началу, и всей совокупности этих трех начал. Поистине справедливость была у нас чем-то в таком роде, но не в смысле внешних человеческих проявлений, а в смысле подлинно внутреннего воздействия на самого себя и на свои способности. Такой человек не позволит ни одному из имеющихся в его душе начал выполнять чужие задачи или досаждать друг другу взаимным вмешательством: он правильно отводит каждому из этих начал действительно то, что им свойственно; он владеет собой, приводит себя в порядок и становится сам себе другом; он прилаживает друг к другу три начала своей души, совсем как три основных тона созвучия высокий, низкий и средний, да и промежуточные тоны, если они там случаются; все это он связывает вместе и так из множественности достигает собственного единства, рассудительности и слаженности. Таков он и в своих действиях, касаются ли они приобретения имущества, ухода за своим телом, государственных дел или же частных соглашений. Во всем этом он считает и называет справедливой и прекрасной ту деятельность, которая способствует сохранению указанного состояния, а мудростью - умение руководить такой деятельностью. Несправедливой деятельностью он считает ту, что нарушает все это, а невежеством - мнения, ею руководящие. Она должна заключаться, не правда ли, в каком-то раздоре указанных трех начал, в беспокойстве, во вмешательстве в чужие дела, в восстании какой-то части души против всей души в целом с целью господствовать в ней... Вот что, я думаю, мы будем утверждать о несправедливости: она смятение и блуждание разных частей души, их разнужданность и трусость и вдобавок еще невежество - словом, всяческое зло. ... Справедливость и несправедливость ни чем не отличаются от здоровых и болезнетворных начал, только те находятся в теле, а эти - в душе. Стало быть, добродетель - это, по-видимому, некое здоровье, красота, благоденствие души, а порочность - болезнь, безобразие и слабость.

Книга пятая

Это показало, что пустой человек тот, кто считает смешным не дурное, а что-либо иное; и когда он пытается что-либо осмеять, он усматривает проявление смешного не в глупости и пороке, а в чем-то другом, а когда он усердствует в стремлении к прекрасному, он опять-таки ставит себе целью не благо, а что-то иное. Так духовно праздные люди тешат сами себя тешат во время одиноких прогулок: они еще не нашли, каким образом осуществится то, чего они вождедеют, но, минуя это, чтобы не мучить себя раздумьями о возможности и невозможности, полагают, будто уже налицо то, чего они хотят: и вот они уже распоряжаются дальнейшим, с радостью перебирают, что они будут делать, когда это свершится; и их без того праздная душа становится еще более праздной. Пока в государствах не будут царствовать философы либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино - государственная власть и философия, и пока не будут в обязательном порядке отстранены те люди - их много, - которые ныне порознь стремятся либо к власти, либо к философии, до тех пор, дорогой Главкон, государствам не избавиться от зол, да и не станет возможным для рода человеческого и не увидит солнечного света то государственное устройство, которое мы только что описали словесно. Тут Главкон сказал: - Сократ, ты метнул в нас такое слово и мысль, что теперь, того и жди, на тебя набросятся очень многие, и причем неплохие, люди... Сократ: Кто ценит красивые вещи, но не ценит красоту самое по себе и не способен следовать за тем, кто повел бы его к ее познанию, - живет такой человек наяву или во сне, как ты думаешь? Суди сам: грезить - во сне или на яву - не значит ли считать подобие вещи не подобием, а самой вещью, на которую оно походит? - Конечно, я сказал бы, что такой человек грезит. - Далее, Кто в противоположность этому считает что-нибудь красотой самой по себе и способен созерцать как ее, так и все причастное к ней, не принимая одно за другое, - такой человек, по твоему, живет во сне или наяву? - Конечно, наяву. - Его состояние мышления мы правильно назвали бы познанием, потому что он познает, а у того, первого,

мы назвали бы это мнением, потому что он только мнит. Так вот, с нас достаточно того, что, с какой бы стороны мы что-либо не рассматривали, вполне существующее вполне познаваемо, а совсем не существующее совсем и не познаваемо. Так как познание направлено на существующее, а незнание неизбежно направлено на несуществующее, то для того, что направлено на среднее между ними обоими, надо искать нечто среднее между незнанием и знанием, если только встречается что-либо подобное. ... Значит, знание по своей природе направлено на бытие с целью постичь, каково оно? Между тем небытие с полным правом можно назвать не одним чем-то, а вовсе ничем. ... Поэтому к небытию мы с необходимостью отнесли незнание, а к бытию познание. ... Значит, выходит, что мнение - это не знание, ни незнание. ... Итак, не совпадая с ними, превосходит ли оно отчетливостью знание, а неотчетливостью - незнание? - Нет, ни в том, ни в другом случае. - Значит, на твой взгляд, мнение более смутно, чем знание, но яснее, чем незнание? - И во много раз. - Но оно не выходит за их пределы? - Да. - Значит, оно нечто среднее между ними? - Вот именно. - Как мы уже говорили раньше, если обнаружится нечто существующее и вместе с тем несуществующее, место ему будет посередине между чистым бытием и полнейшим небытием и направлено на него будет не знание, а также и не незнание, но опять-таки нечто такое, что окажется посередине между незнанием и знанием. - Это верно. - А теперь посередине между ними оказалось то, что мы называем мнением. ... Нам осталось, видимо, найти нечто такое, что причастно им обоим - бытию и небытию, но что нельзя назвать ни тем, ни другим в чистом виде. Значит, мы, очевидно, нашли, что общепринятые суждения большинства относительно прекрасного и ему подобного большей частью колеблются где-то между небытием и чистым бытием. Следовательно, о тех, кто замечает много прекрасного, но не видит прекрасного самого по себе и не может следовать за тем, кто к нему ведет, а также о тех, кто замечает много справедливых поступков, но не справедливость самое по себе и так далее, мы скажем, что обо всем этом у них имеется мнение, но они не знают ничего из того, что мнят. ... А что же мы скажем о тех, кто созерцает сами эти сущности, вечно тождественные самим себе? Ведь они познают их, а не только мнят? - И это необходимо. - И мы скажем, что эти уважают и любят то, что они познают, а те - то, что они мнят. Ведь мы помним, что они любят и замечают, как мы говорили, звуки, красивые цвета и тому подобное, но они даже не допускают существования прекрасного самого по себе. - Да, мы это помним. - Так что мы не ошибемся, если назовем их скорее любителями мнений, чем любителями мудрости? ... А тех, кто ценит все существующее само по себе, должно называть любителями мудрости, а не любителями мнений. - Безусловно.

Книга шестая

Раз философы - это люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе, а другие этого не могут и застревают на месте, блуждая среди множества разнообразных вещей, и потому они уже не философы, то спрашивается, кому из них следует руководить государством? ... А чем лучше слепых те, кто по существу лишен знания сущности любой вещи и у кого в душе нет отчетливого ее образа? Они не способны, подобно художникам, усматривать высшую истину и, не теряя ее из виду, постоянно воспроизводить ее со всевозможной тщательностью, и потому им не дано, когда это требуется, устанавливать здесь новые законы о красоте, справедливости и благе или убереечь уже существующие. Относительно природы философов нам надо согласиться, что их страстно влечет к познанию, приоткрывающему им вечно сущее и не изменяемое возникновением и уничтожением бытие. ... И надо сказать, что они стремятся ко всему бытию в целом, не упуская из виду, насколько это от них зависит, ни одной его части, ни малой, ни большой, ни менее, ни более ценной... Посмотри вслед за этим, необходимо ли людям, которые должны стать такими, как мы говорим, иметь, кроме того, иметь в своем характере ... правдивость, решительное неприятие какой бы то ни было лжи, ненависть к ней и любовь к истине. Когда же хочешь отличить философский характер от нефилософского, надо обращать внимание еще вот на что ... мелочность - злейший враг души, которой предназначено вечно стремиться к божественному и человеческому в их целокупности. ... Если ему свойственны возвышенные помыслы и охват мысленным взором целокупного времени и бытия, думаешь ли ты, что для такого человека много значит человеческая жизнь? ... Значит, такой человек и смерть не будет считать чем-то ужасным? ... А робкой и неблагородной натуре подлинная философия, видимо, недоступна. Значит, кроме всего прочего требуется и соразмерность, и прирожденная тонкость ума, своеобразие которого делало бы человека восприимчивым к идее всего сущего. Тут вступил в разговор Адимант: - Против этого-то, Сократ, никто не нашелся бы, что тебе возразить. Но ведь всякий раз, когда ты рассуждаешь так, как теперь, твои слушатели испытывают примерно вот что: из-за непривычки задавать вопросы или отвечать на них они думают, что рассуждение при каждом твоём вопросе лишь чуть-чуть уводит их в сторону, однако, когда эти "чуть-чуть" соберутся вместе, ясно обнаруживается отклонение и противоречие с первоначальными утверждениями. Как в шашках сильный игрок в конце концов

закрывает неумелому ход и тот не знает, куда ему податься, так и твои слушатели под конец оказываются в тупике и им нечего сказать в этой своего рода игре, где вместо шашек служат слова. А по правде-то дело ничуть этим не решается. Я говорю, имея в виду наш случай: ведь сейчас всякий признается, что по каждому заданному тобой вопросу он не в состоянии тебе противоречить. Стоило бы, однако, взглянуть, как с этим обстоит на деле: ведь кто устремился к философии не с целью образования, как это бывает, когда в молодости коснутся ее, а потом бросают, но, напротив, потратил на нее много времени, те большей частью становятся очень странными, чтобы не сказать совсем негодными, и даже лучшие из них под влиянием занятия, которое ты так расхваливаешь, все же делаются бесполезными для государства. Сократ: - По отношению к государству положение самых порядочных людей настолько тяжелое, что ничего не может быть хуже. ..."Ты верно говоришь, что для большинства бесполезны люди, выдающиеся в философии". Но в бесполезности этой вели ему винить тех, кто не находит им никакого применения, а не этих выдающихся людей. Ведь неестественно, чтобы кормчий просил матросов подчиняться ему или чтобы мудрецы обивали пороги богачей... Естественно как раз обратное: будь то богач или бедняк, но, если он заболел, ему необходимо обратиться к врачам; а всякий, кто нуждается в подчинении, должен обратиться к тому, кто способен править. По таким причинам и в таких условиях нелегко наилучшему занятию быть в чести у занимающихся как раз противоположным. Всего больше и сильнее обязана философия своей дурной славой тем, кто заявляет, что это их дело заниматься подобными вещами. Так разве не будет уместно сказать в защиту нашего взгляда, что человек, имеющий прирожденную склонность к знанию, изо всех сил устремляется к подлинному бытию? Он не останавливается на множестве вещей, лишь кажущихся существующими, но непрестанно идет вперед, и страсть его не утихает до тех пор, пока он не коснется самого существа каждой вещи тем в своей душе, чему подобает касаться таких вещей, а подобает это родственному им началу. Сблизившись посредством него и соединившись с подлинным бытием, породив ум и истину, он будет и познавать, и по истине жить, и питаться, и лишь таким образом избавится от бремени, но раньше - никак. Да, надо присмотреться к порче такой натуры, к тому, как она гибнет у многих, а у кого хоть что-нибудь от нее остается, тех считают пусть не дурными, но все же бесполезными. Затем надо рассмотреть свойства тех, кто им подражает и берется за их дело, - у таких натур много бывает промахов, так как они недостойны заниматься философией и это им не под силу; из-за них-то и закрепилась за философией и за всеми философами повсюду та слава, о которой ты говоришь. - О какой порче ты упомянул? ... - Таких людей мало, но зато посмотри, как много существует для них чрезвычайно пагубного. Относительно всякого семени или зародыша растения или животного мы знаем, что, лишённые подобающего им питания, климата и места, они тем больше теряют в своих свойствах, чем мощнее они сами: ведь плохое более противоположно хорошему, чем нехорошему. ... Есть ведь разумное основание в том, что при чуждом ей питании самая совершенная природа становится хуже, чем посредственная. Так не скажем ли мы, Адимант, точно так же, что и самые одаренные души при плохом воспитании становятся особенно плохими? Или ты думаешь, что великие преступления и крайняя испорченность бывают следствием посредственности, а не того, что пылкая натура испорчена воспитанием? Но ведь слабые натуры никогда не будут причиной ни великих благ, ни больших зол. ... Если установленная нами природа философа получит надлежащую выучку, то, развиваясь, она непременно достигнет всяческой добродетели; но если она посеяна и растет на неподобающей почве, то выйдет как раз наоборот, разве что придет ей на помощь кто-нибудь из богов. Или и ты считаешь, подобно большинству, будто лишь немногие молодые люди испорчены софистами - некими частными мудрецами и только об этих молодых людях и стоит говорить? Каждое из этих частных лиц, взимающих плату (большинство называет их софистами...), преподает не что иное, как те же самые взгляды большинства и мнения, выражаемые на собраниях, и называет это мудростью. Это все-равно, как если бы кто-нибудь, ухаживая за огромным и сильным зверем, изучил его нрав и желания, знал бы, с какой стороны к нему подойти, каким образом можно его трогать, и в какую пору и отчего он свирепеет или успокаивается, при каких обстоятельствах привык издавать те или иные звуки и какие посторонние звуки укрощают его либо приводят в ярость. Изучив все это путем обхождения с ним и длительного навыка, тот человек называет это мудростью и, как бы составив руководство, обращается к преподаванию, по правде сказать, не зная взглядов большинства и его вожделений что в них прекрасно или постыдно, хорошо или дурно, справедливо или несправедливо, но обозначая перечисленное соответственно мнениям этого огромного зверя: что тому приятно, он называет благом, что тому тягостно - злом и не имеет никакого другого понятия об этом, а не называет справедливым и прекрасным то, что необходимо. А чем же отличается от него тот, кто мудростью считает уже то, что он подметил, что не нравится, а что нравится собранию большинства самых различных людей - будь то в живописи, музыке или даже в политике? А действительно ли это хорошо или прекрасно - разве слышал

ты когда-либо, чтобы кто-то из них отдавал себе в этом отчет и чтобы это не вызывало бы смеха? ... Так вот, учитывая все это, припомни то, о чем говорили мы раньше: возможно ли, чтобы толпа допускала признавала существование красоты самой по себе, а не многих красивых вещей или самой сущности каждой вещи, а не множества отдельных вещей? ... Следовательно, толпе не присуще быть философом. ... И значит, те, кто занимается философией, неизбежно будут вызывать ее порицание. Как и порицание со стороны тех частных лиц, которые, общаясь с чернью, стремятся ей угодить. И вообще-то подобные натуры редкость, как мы утверждаем. К их числу относятся и те люди, что причиняют величайшее зло государствам и частным лицам, и те, что творят добро, если их влечет к нему; мелкая же натура никогда не совершит ничего великого ни для частных лиц, ни для государства. ... Когда, таким образом, от философии отпадают те люди, которым всего больше надлежит ею заниматься, она остается одинокой и незавершенной, а сами они ведут жизнь и не подобающую, и не истинную. К философии же, раз она осиротела и лишилась тех, кто ей сродни, приступают уже другие лица, вовсе ее недостойные. Они позорят ее и навлекают на нее упрек... Ведь иные людишки чуть увидят, что область эта опустела, а между тем полна громких имен и показной пышности, тотчас же, словно те, кто спасаясь от тюрьмы, бежит в святилище, с радостью делают скачок от ремесла к философии - особенно те, кто половчее в своем ничтожнейшем дельце. Хотя философия находится в таком положении, однако сравнительно с любым другим мастерством она все же гораздо больше в чести, что и привлекает к ней многих людей, несовершенных по своей природе: тело у них покалечено ремеслом и производством, да и души их сломлены и изнурены грубым трудом; ведь это неизбежно. Остается совсем малое число людей, Адимант, достойным образом общающихся с философией: это либо тот, кто, подвергшись изгнанию, сохранил как человек, получивший хорошее воспитание, благородство своей натуры... либо это человек великой души, родившийся в маленьком государстве: делами этого государства он презрительно пренебрежет. ... О моем собственном случае божественном знамении - не стоит и упоминать: такого, пожалуй, еще ни с кем раньше не бывало. Все вошедшие в число этих немногих, отведав философии, узнали, какое это сладостное и блаженное достояние; они довольно видели безумие большинства, а также и то, что в государственных делах никто не совершает, можно сказать, ничего здравого и что там не найти себе союзника, чтобы вместе с ним придти на помощь правому делу и уцелеть. Напротив, если человек, словно очутившись среди зверей, не пожелает сообщая с ними творить несправедливость, ему не под силу будет управиться со всеми дикими своими противниками, и, прежде чем он успеет принести пользу государству или своим друзьям, он погибнет без пользы и для себя, и для других. Учтя все это, он сохраняет спокойствие и делает свое дело, словно укрывшись за стеной из пыли, поднятой ураганом. Видя, что все остальные преисполнились беззакония, он доволен, если проживет здешнюю жизнь чистым от неправды и нечестивых дел, а при исходе жизни отойдет радостно и кротко, уповая на лучшее. - Значит, он отходит, достигнув немало! - Однако все же не до конца достигнув того, что он мог, так как государственный строй был для него неподходящим. При подходящем строе он и сам бы вырос и, сохранив все свое достояние, сберег бы также и общественное. Так вот насчет философии - из-за чего у нею такая дурная слава (а между тем это несправедливо), - по-моему, уже сказано достаточно, если у тебя нет других замечаний. - Я ничего не могу к этому добавить. Но какое из существующих теперь государственных устройств ты считаешь для нее подобающим? - Нет такого. На это-то я и сетую, что ни одно из нынешних государственных устройств недостойно натуры философа. Такая натура при них извращается и теряет свой облик. Подобно тому как иноземные семена, пересаженные на чуждую им почву, теряют свою силу и приобретают свойства местных растений, так и подобные натуры в настоящее время не осуществляют своих возможностей, приобретая чуждый им склад. А что большинство людей не верит словам другого, это не диво. Ведь они никогда не видали того, о чем мы сейчас говорим, для них все это какие-то фразы, умышленно подогнанные друг к другу, а не положения, вытекающие, как сейчас, само собой одно из другого. Да и не довелось им, мой милый, стать благодарными слушателями прекрасных и благородных рассуждений, усердно и всеми средствами доискивающих истины ради познания и ничего общего не имеющих с чванными препирательствами ради славы или из-за соперничества в судах и при личном общении. Вот почему ... ни государство, ни его строй, так же как и отдельный человек, не станут никогда совершенными, пока не возникнет некая необходимость, которая заставит всех этих немногочисленных философов... принять на себя заботу о государстве, желают ли они того или нет... Между тем, Адимант, тому, кто действительно направил свою мысль на бытие, уже недосуг смотреть вниз, на человеческую суету, и, борясь с людьми, преисполняться недоброжелательства и зависти. Видя и созерцая нечто стройное и вечно тождественное, не творящее несправедливости и от нее не страдающее, полное порядка и смысла, он этому подражает и как можно более ему уподобляется. Общаясь с божественным и упорядоченным, философ также становится упорядоченным и божественным, насколько это в человеческих силах.

Оклеветать же можно все на свете. Так вот, если у философа возникнет необходимость позаботиться о том, чтобы внести в частный и общественный быт людей то, что он усматривает наверху, и не ограничиваться собственным совершенствованием, думаешь ли ты, что из него выйдет плохой мастер по части рассудительности, справедливости и всей вообще добродетели, полезной народу? ...Никогда, ни в коем случае не будет процветать государство, если его не начертят художники по божественному образцу. ... Взяв, словно доску, государство и нравы людей, они сперва бы очистили их, что совсем не легко. Смешивая и сочетая качества людей, они создадут прообраз человека, определяемый тем, что уже Гомер назвал боговидным и богоподобным свойством, присущим людям. ... И я думаю, кое-что они будут стирать, кое-что рисовать снова, пока не сделают человеческие нравы, насколько это осуществимо, угодными богу. ...Ни для государства, ни для граждан не будет конца несчастьям, пока владыкой государства не станет племя философов или пока на деле не осуществится тот государственный строй, который мы словесно обрисовали. Осмелимся же сказать и то, что в качестве самых тщательных стражей следует ставить философов. Ты часто уже слышал: идея блага - вот это самое важное знание; через нее становятся пригодными и полезными справедливость и все остальное. ...Идею эту мы недостаточно знаем. А коль скоро не знаем, то без нее, даже если у нас будет наибольшее количество сведений обо всем остальном, уверяю тебя, ничто не послужит нам на пользу: это вроде того, как приобрести себе какую-нибудь вещь, не думая о благе, которое она принесет. Или ты думаешь, главное дело в том, чтобы приобрести побольше имущества, не думая о том, хорошее ли оно? Но ведь ты знаешь, что, по мнению большинства, благо состоит в удовольствии, а для людей более тонких - в понимании. ... Оно есть понимание того, что хорошо. Разве не ясно и это: в качестве справедливого и прекрасного многие выбрали бы то, что кажется им таковым, хотя бы оно и не было им на самом деле, и соответственно действовали бы, приобретали и выражали бы свои мнения; что же касается блага, здесь никто не довольствуется обладанием мнимого, но все ищут подлинного блага, а мнимым всякий пренебрегает. ... К благу стремится любая душа и ради него все совершает; она предчувствует, что есть нечто такое, но ей трудно и не хватает сил понять, в чем же оно состоит. Мы считаем, что есть много красивых вещей, много благ и так далее, и мы разграничиваем их с помощью определения. ... А также, что есть прекрасное само по себе и так далее в отношении всех вещей, хотя мы и признаем, что их много. А что такое каждая вещь, мы уже обозначаем соответственно единой идеей, одной для каждой вещи. ... И мы говорим, что те вещи можно видеть, но не мыслить, идеи же, напротив, можно мыслить, но не видеть. Какими бы зоркими и восприимчивыми к цвету не были у человека глаза, ты ведь знаешь, он ничего не увидит и не различит цвета, если будет пользоваться своим зрением без наличия чего-то третьего... что ты называешь светом. ...Чем будет благо в умопостигаемой области по отношению к уму и умопостигаемому, тем в области зримого будет Солнце по отношению к зрению и зрительно воспринимаемым вещам. ... Ты знаешь, когда напрягаются, чтобы разглядеть предметы, озаренные сумеречным сиянием ночи, а не те, цвет которых предстает в свете дня, зрение притупляется, и человека можно принять чуть ли не за слепого, как будто его глаза не в порядке. ... Между тем те же самые глаза отчетливо видят предметы, освещенные Солнцем: это показывает, что зрение в порядке. Считай, что так бывает и с душой: всякий раз, когда она устремляется туда, где сияют истина и бытие, она воспринимает их и познает, что показывает ее разумность. Когда же она уклоняется в область смешения с мраком, возникновения и уничтожения, она тупеет, становится подверженной мнениям, меняет их так и этак, и кажется, что она лишилась ума. Так вот то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага - причиной знания и познаваемости истины. Как не прекрасно и то и другое - познание и истина, но, если идею блага ты будешь считать чем-то еще более прекрасным, ты будешь прав. Как правильно было бы считать зрение и свет солнцеобразными, но признать их Солнцем было бы неправильно, так и здесь: правильно считать познание и истину имеющими образ блага, но признать что-либо из них самим благом было бы неправильно: благо по его свойствам надо ценить еще больше. Считай, что и познаваемые вещи не только могут познаваться лишь благодаря благу, но оно дает им и бытие, и существование, хотя само благо не есть существование, оно - за пределами существования, превышая его достоинством и силой. Для сравнения возьми линию, разделенную на два неравных отрезка. Каждый такой отрезок, то есть область зримого и область умопостигаемого, раздели опять таким же путем, причем область зримого ты разделишь по признаку большей или меньшей отчетливости. Тогда один из получившихся отрезков будет содержать образы. Я называю так прежде всего тени, затем отражения в воде и в плотных, гладких и глянцевитых предметах - одним словом, все подобное этому. ... В другой раздел, сходный с этим, ты поместишь находящиеся вокруг нас живые существа, все виды растений, а также все то, что изготавливается. ... И разве не согласишься ты признать такое разделение в отношении подлинности и неподлинности: как то, что мы мним, относится к тому, что мы

действительно знаем, так подобное относится к уподобляемому. Один раздел умопостигаемого душа вынуждена искать на основании предпосылок, пользуясь образами из получившихся у нас тогда отрезков и устремляясь поэтому не к началу, а к завершению. Между тем другой раздел душа отыскивает, восходя от предпосылки к началу, такой предпосылки не имеющему. Без образов, какие были в первом случае, но при помощи самих идей пролагает она себе путь. ...Те, кто занимается геометрией, счетом и тому подобным, предполагают в любом своем исследовании, будто им известно, что такое чет и нечет, фигуры, три вида углов, и прочее в том же роде. Это они принимают за исходные положения и не считают нужным отдавать в них отчет ни себе, ни другим, словно это всякому и без того ясно. Исходя из этих положений, они разбирают уже и все остальное и последовательно доводят до конца то, что было предметом их рассмотрения. ... Но ведь когда они вдобавок пользуются чертежами и делают отсюда выводы, их мысль обращена не на чертеж, а на те фигуры, подобием знаком которых он служит. Выводы они делают только для четырехугольника самого по себе и его диагонали, а не для той диагонали, которую они начертили. Так и во всем остальном. То же самое относится к произведениям ваяния и живописи: от них может падать тень, и возможны их отражения в воде, но сами они служат лишь образным выражением того, что можно видеть не иначе как мысленным взором. ... Вот об этом виде умопостигаемого я тогда и говорил: душа в своем стремлении к нему бывает вынуждена пользоваться предпосылками и потому не восходит к его началу, так как она не в состоянии выйти за пределы предполагаемого и пользуется лишь образными подобиями, выраженными в низших вещах... Пойми также, что вторым разделом умопостигаемого я называю то, чего наш разум достигает с помощью диалектической способности. Свои предположения он не выдает за нечто изначальное, напротив, они для него только предположения как таковые, то есть некие подступы и устремления к началу всего, которое уже не предположительно. Достигнув его и придерживаясь всего, с чем оно связано, он приходит затем к заключению, вовсе не пользуясь ни чем чувственным, но лишь самими идеями в их взаимном отношении, и его выводы относятся только к ним. - Я понимаю, хотя и не в достаточной степени: мне кажется, ты говоришь о сложных вещах. Однако ты хочешь установить, что бытие и все умопостигаемое при помощи диалектики можно созерцать яснее, чем то, что рассматривается с помощью только так называемых наук, которые исходят из предположений. Правда, и такие исследователи бывают вынуждены созерцать область умопостигаемого при помощи рассудка, а не посредством ощущений, но поскольку они рассматривают ее на основании своих предположений, не восходя к первоначалу, то, по-твоему, они и не могут постигнуть ее умом, хотя она вполне умопостигаема, если постичь ее первоначало. Рассудком же ты называешь, по-моему, ту способность, которая встречается у занимающихся геометрией и им подобных. Однако это еще не ум, так как рассудок занимает промежуточное положение между мнением и умом. - Ты высказал полнейшее понимание. С указанными четырьмя отрезками соотнеси мне те четыре состояния, что возникают в душе: на высшей ступени - разум, на второй - рассудок, третье место удели вере, а последнее - уподоблению, и расположи их соответственно, считая, что, насколько то или иное состояние причастно истине, столько же в нем и достоверности.

Книга седьмая

После этого, ты можешь уподобить нашу человеческую природу в отношении просвещенности и непросвещенности вот какому состоянию... Представь, что люди находятся как бы в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у их прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная, представь, невысокой стеной, вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол. - Это я себе представляю, - сказал Главкон. - Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат. ... Прежде всего разве ты думаешь, что находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры? ... Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят? Далее. Если бы в их темнице отдавалось эхом все, что бы не произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени? ... Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов. Когда же с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройти, взглянуть вверх - в сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах

будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. Тут нужна привычка, раз ему предстоит увидеть все то, что там, наверху. Начинать надо с самого легкого: сперва смотреть на тени, затем на отражения в воде людей и различных предметов, и уж потом - на самые вещи; при этом то, что на небе, и самое небо ему легче было бы видеть не днем, а ночью, то есть смотреть на звездный свет и Луну, а не на Солнце и его свет. Вспомнив свое прежнее жилище, тамошнюю премудрость и сотоварищей по заключению, разве не сочтет он блаженством перемену своего положения и разве не пожалеет он своих друзей? ... А если они воздавали там какие-нибудь почести и хвалу друг другу, награждая того, кто отличился наиболее острым зрением при наблюдении текущих мимо предметов и лучше других запоминал, что обычно появлялось сперва, а что после, а что одновременно, и на этом основании предсказывал грядущее, то, как ты думаешь, жаждал бы всего этого тот, кто уже освободился от уз, и разве завидовал бы он тем, кого почитают узники и кто среди них влиятелен? Обдумай еще и вот что: если бы такой человек опять спустился туда и сел бы на то же самое место, разве не были бы его глаза охвачены мраком при таком внезапном уходе от Солнца? А если ему снова пришлось состязаться с этими вечными узниками, разбирая значение тех теней? Пока его зрение не притупится и глаза не привыкнут - а на это потребовалось бы немалое время, - разве не казался бы он смешон? О нем стали бы говорить, что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не стоит даже и пытаться идти ввысь. А кто принялся бы освобождать узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки? ... Восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, - это подъем души в область умопостигаемого. ... Так вот что мне видится: в том, что познаваемо, идея блага - это предел, и она с трудом различима, но стоит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она причина всего правильного и прекрасного. В области видимого она порождает свет и его владыку, а в области умопостигаемого она сама - владычица, от которой зависят истина и разумение, и на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни. - Я согласен с тобой, насколько мне это доступно. - Тогда будь со мной заодно еще вот в чем: не удивляйся, что пришедшие ко всему этому не хотят заниматься человеческими делами; их души всегда стремятся ввысь. А удивительно разве, по-твоему, если кто-нибудь, перейдя от божественных созерцаний к человеческому убожеству, выглядит неважно и кажется крайне смешным? Зрение еще не привыкло, а между тем, прежде чем он привыкнет к окружающему мраку, его заставляют выступать на суде или еще где-нибудь и сражаться по поводу теней справедливости или изображений, отбрасывающих эти тени, так что приходится спорить о них в том духе, как это воспринимают люди, никогда не выдавшие самое справедливое. ... Просвещенность - это совсем не то, что утверждают о ней некоторые лица, заявляющие, будто в душе человека нет знания и они его туда вкладывают, вроде того как вложили бы в слепые глаза зрение. ... У каждого в душе есть такая способность; есть у души и орудие, помогающее каждому обучиться. Но как глазу невозможно повернуться от мрака к свету иначе чем вместе со всем телом, так же нужно отвлечься все душой ото всего становящегося: тогда способность человека к познанию сможет выдержать созерцание бытия и того, что в нем всего ярче, а это, как мы утверждаем и есть благо. Как раз здесь и могло бы проявиться искусство обращения: каким образом всего легче и действеннее можно обратить человека. Это вовсе не значит вложить в него способность видеть - она же у него имеется, но неверно направлена, и он смотрит не туда, куда надо. Вот здесь-то и надо приложить силы. Разве ты не замечал у тех, кого называют хотя и дурными людьми, но умными, как проницательна их душонка и как они насквозь видят то, что им надо? Значит, зрение у них неплохое, но оно вынуждено служить их порочности, и, чем острее они видят, тем больше совершают зла. А разве естественно и неизбежно не вытекает из сказанного раньше следующее: для управления государством не годятся как люди непросвещенные и несведущие в истине, так и те, кому всю жизнь предоставлено заниматься самоусовершенствованием, - первые потому, что в их жизни нет единой цели... а вторые потому, что по доброй воле они не станут действовать, полагая, что уже при жизни переселились на Острова блаженных. Мы не позволим им оставаться там, на вершине, из нежелания спуститься снова к тем узникам, и, худо ли бедно ли, они должны будут разделить с ними труды их и почести. - Выходит, мы будем несправедливы к этим выдающимся людям и из-за нас они будут жить хуже, чем могли бы. - Ты опять забыл, друг мой, что закон ставит своей целью не благоденствие одного какого-нибудь слоя населения, но благо всего государства. То убеждением, то силой обеспечивает он сплоченность всех граждан, делая так, чтобы они были друг другу взаимно полезны в той мере, в какой они вообще могут быть полезны для всего общества. Выдающихся людей он включает в государство не для того, чтобы предоставить им возможность уклоняться куда кто хочет, но чтобы самому пользоваться ими для укрепления государства. ... Мы скажем им так: "Во всех других государствах люди, обратившиеся к философии, вправе не принимать участия в государственных делах, потому что люди сделались такими

само собой, вопреки государственному строю, а то, что вырастает само собой, никому не обязано своим питанием и не должно стремиться возместить свои расходы. А вас родили мы для вас же самих и для остальных граждан, подобно тому как у пчел среди их роя бывают вожди и цари. Вы воспитаны лучше и совершеннее, чем те философы, и более их способны заниматься и тем и другим". А ты не думаешь, что наши питомцы, слыша это, выйдут из нашего повиновения и не пожелают трудиться, каждый в свой черед, вместе с гражданами, а предпочтут все время пребывать друг с другом в области чистого бытия? Так уж обстоит дело, дорогой мой. Если ты найдешь для тех, кому предстоит править, лучший образ жизни, чем обладание властью, тогда у тебя может осуществиться государство с хорошим государственным строем. Ведь только в таком государстве будут править те, кто на самом деле богат - не золотом, а тем, чем должен быть богат счастливый: добродетельной и разумной жизнью. Если же бедные и неимущие добиваются доступа к общественным благам, рассчитывая урвать себе оттуда кусок, тогда не быть добру: власть становится чем-то таким, что можно оспаривать, и подобного рода домашняя, внутренняя война губит и участвующих в ней, и остальных граждан. А можешь ты назвать какой-нибудь еще образ жизни, выражающий презрение к государственным должностям, кроме того, что посвящен истинной философии? Хочешь, посмотрим, каким образом получают такие люди и с помощью чего можно вывести их наверх, к свету, подобно тому, как, по преданию, некоторые поднялись из Аида к богам? ... Но ведь это не то же самое, что перевернуть черепок; тут надо душу повернуть от некоторого сумеречного дня к истинному дню бытия; такое восхождение мы, верно, назовем стремлением к мудрости. ... Так какое же познание, Главкон, могло бы увлечь душу от становления к бытию? ... Давай возьмем то, что распространяется на них всех. ... Да то общее, чем пользуется любое искусство, а также рассудок и знания, то, что каждый человек должен узнать прежде всего. - Что же это? - Да пустяк: надо различать, что такое один, два и три. В общем я называю это числом и счетом. Разве не так обстоит дело, что любое искусство и знание вынуждено приобщаться к нему? По своей природе она относится, пожалуй, к тому, что ведет человека к размышлению, то есть к тому, что мы с тобой ищем, но только никто не пользуется ею действительно как наукой, увлекающей нас к бытию. ... Кое-что в наших восприятиях не побуждает наше мышление к дальнейшему исследованию, потому что достаточно определяется самим ощущением; но кое-что решительно требует такого исследования, поскольку ощущение не дает ничего надежного. ... Не побуждает к исследованию то, что не вызывает одновременно противоположного ощущения, а то, что вызывает такое ощущение, я считаю побуждающим к исследованию, поскольку ощущение обнаруживает одно несколько не больше, чем другое, ему противоположное, все равно, относится ли это ощущение к предметам, находящимся вблизи или к далеким. Естественно, что при таких обстоятельствах душа привлекает себе на помощь рассуждение и размышление и прежде всего пытается разобраться, об одном ли предмете или о двух разных предметах сообщает ей в том или ином случае ощущение. Ведь зрение, утверждаем мы, воспринимает большое и малое не раздельно, а как нечто слитное, не правда ли? Для выяснения этого мышление в свою очередь вынуждено рассмотреть большое и малое, но не в их слитности, а в их раздельности: тут полная противоположность зрению. ... Так вот, не из-за этого ли и возникает у нас прежде всего вопрос: что же это, собственно, такое - большое и малое? ... И таким образом, одно мы называем умопостижимым, а другое - зримым. ... Так вот как раз это я и пытался теперь сказать: кое-что побуждает рассудок к деятельности, а кое-что - нет. То, что воздействует на ощущения одновременно со своей противоположностью, я определил как побуждающее, а что таким образом не воздействует, то и не будит мысль. Значит, они принадлежат к тем познаниям, которые мы искали. Воину необходимо их усвоить для войскового строя, а философу - для постижения сущности всякий раз, как он вынырнет из области становящегося, иначе ему никогда не стать мыслителем. Действительно, теперь, после разбора искусства счета, я понимаю, как оно точно и во многом полезно нам для нашей цели, если заниматься им ради познания, а не по-торгашески. ... Оно усиленно влечет душу ввысь и заставляет рассуждать о числах самих по себе, ни в коем случае не допуская, чтобы кто-нибудь подменял их имеющими число видимыми и осязаемыми телами. Вот ты и видишь, мой друг, что нам и в самом деле необходима эта наука, раз оказывается, что она заставляет душу пользоваться самим мышлением ради истины. Приходилось ли тебе наблюдать, как люди с природными способностями к счету бывают восприимчивы, можно сказать, ко всем наукам? Даже все те, кто туго соображают, если они обучаются этому и упражняются, то, хотя бы они не извлекали из этого для себя никакой иной пользы, все же становятся более восприимчивыми, чем были раньше. ... Право, я думаю, ты нелегко и не много найдешь таких предметов, которые представляли бы для обучающегося, даже усердно, больше трудностей, чем этот. И ради всего этого нельзя оставлять в стороне такую науку, напротив, именно с ее помощью надо воспитывать людей, имеющих прекрасные природные задатки. ... Стало быть, пусть это будет у нас первая наука. Рассмотрим же и вторую, связанную, впрочем, с первой: подходит ли она

нам? Но кто хоть немного знает толк в геометрии, не будет оспаривать, что наука эта полностью противоположна тем словесным выражениям, которые в ходу у занимающихся ею. ... Они выражаются как-то очень забавно и принужденно. Словно они заняты практическим делом и имеют в виду интересы этого дела, они употребляют выражения "построим" четырехугольник, "проведем" линию, "произведем наложение" и так далее, все это так и сыплется из их уст. А между тем это ведь наука, которой занимаются ради познания. ... Это наука, которой занимаются ради познания вечного бытия, а не того, что возникает и гибнет. ... Значит, милый мой, она влечет душу к истине и воздействует на философскую мысль, стремя ее ввысь, между тем как теперь она у нас низменна вопреки должному. ... Значит, надо по возможности строже предписать, чтобы граждане Прекрасного города ни в коем случае не оставляли геометрию, ведь немаловажно даже побочное ее применение. Что же? Третьим предметом будет у нас астрономия, как по-твоему? - По-моему, да, потому что внимательные наблюдения за сменой времен года, месяцев и лет пригодны не только для земледелия и мореплавания, но не меньше и для руководства военными действиями. - Это у тебя приятная черта: ты, видно, боишься, как бы большинству не показалось, будто ты предписываешь бесполезные науки. Между тем вот что очень важно, хотя поверить этому трудно: в науках этих очищается и вновь оживает некое орудие души каждого человека, которое другие занятия губят и делают слепым, а между тем сохранить его в целости более ценно, чем иметь тысячу глаз, ведь только при его помощи можно увидеть истину. После плоскостей мы взялись за объемные тела, находящиеся в движении, а надо бы раньше изучить их самих по себе, ведь правильнее было бы после второго измерения рассмотреть третье: оно касается кубов и всего того, что имеет глубину. - Это так, Сократ, но здесь, кажется, ничего еще не открыли. - Причина тут двоякая: нет такого государства, где наука эта была бы в почете, а исследуют ее слабо, так как она трудна. Исследователи нуждаются в руководителе, без него им не сделать открытий. Прежде всего трудно ожидать, чтобы такой руководитель появился, а если даже он и появится, то при нынешнем положении вещей те, кто исследует эти вещи, не стали бы его слушать, так как они слишком высокого мнения о себе. Если бы все государство в целом уважало такие занятия и содействовало им, исследователи подчинились бы, и их непрерывные усиленные поиски раскрыли бы свойства изучаемого предмета. Итак, четвертым предметом познания мы назовем астрономию, в настоящее время она как-то забыта, но она воспрянет, если ею займется государство. - Естественно. Ты недавно упрекнул меня, Сократ, что моя похвала астрономии была пошлой, так вот, теперь я произнесу ей похвалу в твоём духе: ведь, по-моему, всякому ясно, что она заставляет душу взирать ввысь и ведет ее туда, прочь ото всего здешнего. - Возможно, что всякому это ясно, кроме меня, мне-то кажется, что это не так. Пожалуй, ты еще скажешь, будто если кто-нибудь, запрокинув голову, разглядывает узоры на потолке и при этом кое-что распознает, то он видит это при помощи мышления, а не глазами. - Глядит ли кто, разинув рот, вверх или же, прищурившись, вниз, когда пытается с помощью ощущений что-либо распознать, все равно, утверждаю я, он никогда этого не постигнет, потому что для подобного рода вещей не существует познания и душа человека при этом смотрит не вверх, а вниз, хотя бы он даже лежал навзничь на земле или плыл по морю на спине. Эти узоры на небе, украшающие область видимого, надо признать самыми прекрасными и совершенными из подобного рода вещей, но все же они сильно уступают вещам истинным с их перемещениями друг относительно друга, происходящими с подлинными быстротой и медленностью, согласно истинному числу и во всевозможных истинных формах, причем перемещается все содержимое. Это постигается разумом и рассудком, но не зрением. Значит, небесным узором надо пользоваться как пособием для изучения подлинного бытия... Значит, мы будем изучать астрономию так же, как геометрию, с применением общих положений, а то, что на небе, оставим в стороне... Пожалуй, как глаза наши устремлены к астрономии, так уши - к движению стройных созвучий; эти две науки - словно родные сестры... Так же, как астрономы, люди трудятся там бесплодно: они измеряют и сравнивают воспринимаемые на слух созвучия и звуки. ...Они ищут числа в воспринимаемых на слух созвучиях, но не поднимаются до рассмотрения общих вопросов и не выясняют, какие числа созвучны, а какие нет и почему. Я по крайней мере думаю, что если изучение всех разобранных нами предметов доходит до установления их общности и родства и приводит к выводу относительно того, в каком именно отношении они друг к другу близки, то оно будет способствовать достижению поставленной нами цели, так что труд этот окажется небесполезным. Так вот, Главкон, это и есть тот самый напев, который выводит диалектика. Он умпостигаем... Когда же кто-нибудь делает попытку рассуждать, он, минуя ощущения, посредством одного лишь разума устремляется к сущности любого предмета и не отступает, пока при помощи самого мышления не постигнет сущности блага. Так он оказывается на вершине умпостигаемого, подобно тому как другой взошел на вершину зримого. Не назовешь ли ты этот путь диалектическим? Взятое в целом, занятие теми науками, о которых мы говорили, дает эту возможность и ведет прекраснейшее начало нашей

души ввысь, к созерцанию самого совершенного в существующем... Никто не докажет нам, будто можно сделать попытку каким-нибудь иным путем последовательно охватить все, то есть сущность любой вещи, ведь все другие способы исследования либо имеют отношение к человеческим мнениям и вожелениям, либо направлены на возникновение и сочетание вещей или же целиком на поддержание того, что растет и сочетается. Значит, в этом отношении один лишь диалектический метод придерживается правильного пути: отбрасывая предположения, он подходит к первоначалу с целью его обосновать; он потихоньку высвобождает, словно из какой-то варварской грязи, зарывшийся туда взор нашей души и направляет его ввысь, пользуясь в качестве помощников и попутчиков теми искусствами, которые мы разобрали. Тогда нас удовлетворяют, как и раньше, следующие названия: первый раздел познание, второй - размышление, третий - вера, четвертый - уподобление. Оба последних, вместе взятые, составляют мнение, оба первых - мышление. И как сущность относится к становлению, так мышление - к мнению. А как мышление относится к мнению, так познание относится к вере, а рассуждение к уподоблению. Конечно, ты называешь диалектиком того, кому доступно доказательство сущности каждой вещи. Кто не в силах в помощью доказательства определить идею блага, выделив ее из всего остального; кто не идет, словно на поле битвы, сквозь все препятствия, стремясь к опровержению, основанному не на мнении, а на понимании сущности... Такой человек проводит нынешнюю свою жизнь в спячке и сновидениях, и, прежде чем он здесь пробудится, он, придя в Аид, окончательно погрузится в сон. Значит, счет, геометрию и разного рода другие предварительные познания, которые должны предшествовать диалектике, надо преподавать нашим стражам еще в детстве, не делая, однако, принудительной форму обучения. ... Свободнорожденному человеку ни одну науку не следует изучать рабски. ... Поэтому, друг мой, питай своих детей науками не насильно, а играючи, чтобы ты лучше мог наблюдать природные наклонности каждого. По истечении этого срока юноши, отобранные из числа двадцатилетних, будут пользоваться большим почетом сравнительно с остальными, а наукам, порознь преподававшимся им, когда они были детьми, должен быть сделан общий обзор, чтобы показать их сродство между собою и с природой бытия. ... И это самая главная проверка, имеются ли у человека природные данные для занятий диалектикой или нет. Кто способен все обозреть, тот - диалектик, кому же это не под силу, тот - нет. ... Вот тебе и придется подмечать, кто наиболее отличится в этом, кто будет стойким в науках, на войне и во всем том, что предписано законом. Из этих юношей, когда им исполнится тридцать лет, надо будет опять-таки произвести отбор, окружить их еще большим почетом и подвергнуть испытанию их способность к диалектике, наблюдая, кто из них умеет, не обращая внимания на зрительные и остальные ощущения, подняться до истинного бытия. Но здесь требуется величайшая осторожность, мой друг. - А собственно, почему? - Разве ты не замечаешь зла, связанного в наше время с умением рассуждать, - насколько оно распространилось. - В чем же оно состоит? - Люди, занимающиеся этим, преисполнены беззакония. - И в очень сильной степени. - ...Относительно того, что справедливо и хорошо, у нас с детских лет имеются взгляды, в которых мы воспитаны под воздействием наших родителей, мы подчиняемся им и их почитаем. Когда перед человеком, находящемся в таком положении, встанет Вопрос, вопрошая: "Что такое прекрасное?" - человек ответит так, как привычно усвоил от законодателя, однако дальнейшее рассуждение это опровергнет. После частых и всевозможных опровержений человек этот падет так низко, что будет придерживаться мнения, будто прекрасное ничуть не более прекрасно, чем безобразное. Так же случится и со справедливостью, с благом и со всем тем, что он особенно почитал. После этого что, по-твоему, станет с его почтительностью и послушанием? - У него неизбежно уже не будет такого почтения и послушания. - Если же он перестанет считать все это ценным и дорогим, как бывало, а истину найти будет не в состоянии, то, спрашивается, к такому же иному образу жизни ему естественно обратиться, как не к тому, который ему будет лестен? - Все другое исключено. - Так окажется, что он стал нарушителем законов, хотя раньше соблюдал их предписания. ... Значит, чтобы люди тридцатилетнего возраста не вызвали у тебя подобного сожаления, надо со всевозможными предосторожностями приступать к рассуждениям. ... Разве не будет одной из постоянных мер предосторожности не допускать, чтобы вкус к рассуждениям проявлялся смолоду? Я думаю, от тебя не укрылось, что подростки, едва вкусив о таких рассуждений, злоупотребляют ими ради забавы, увлекаясь противоречиями и подражая тем, кто их опровергает, да и сами берутся опровергать других, испытывая удовольствие от того, что своими доводами они, словно щенки, тащат и рвут на части всех, кто им подвернется. - Да, в этом они не знают удержу. - После того как они сами опровергнут многих и многие опровергнут их, они вскорости склоняются к полному отрицанию прежних своих утверждений, а это опорочивает в глазах других людей и их самих да заодно и весь предмет философии. Разве не относится к мерам предосторожности все то, о чем мы говорили раньше: допускать к отвлеченным рассуждениям лишь упорядоченные и стойкие натуры, а не так, как теперь, когда за это берется кто

попало, в том числе совсем неподходящие люди? А когда им будет пятьдесят, то тех из них, кто уцелел и всячески отличился, - как на деле, так и в познаниях - пора будет привести к окончательной цели - заставить их устремить ввысь свой духовный взор и взглянуть на то самое, что всему дает свет, а увидев благо само по себе, взять его за образец и упорядочить и государство, и частных лиц, а также самих себя - каждого в свой черед - на весь остаток своей жизни. Большую часть времени они станут проводить в философствовании, а когда наступит черед, будут трудиться над гражданским устройством, занимать государственные должности - не потому, что это нечто прекрасное, а потому, что так необходимо ради государства. Таким образом, они постоянно будут воспитывать людей, подобных им самим, и ставить их стражами государства взамен себя, а сами отойдут на Острова блаженных, чтобы там обитать. Государство на общественный счет соорудит им памятники и будет приносить жертвы как божествам, если это подтвердит Пифия, а если нет, то как счастливым и божественным людям.

Книга восьмая

Итак, ты знаешь, что у различных людей непременно бывает столько же видов духовного склада, сколько существует видов государственного устройства. Или ты думаешь, что государственные устройства рождаются неведь откуда - от дуба либо от скалы, а не от тех нравов, что наблюдаются в государствах и влекут за собой все остальное, так как на их стороне перевес? Человека, соответствующего правлению лучших - аристократическому, мы уже разобрали и правильно признали его хорошим и справедливым. ... Теперь нам надо описать и худших, иначе говоря, людей соперничающих между собой и честолюбивых - соответственно лакедемонскому строю, затем человека олигархического, демократического и тиранического, чтобы, указав на самого несправедливого, противопоставить его самому справедливому... Ну так давай попытаемся указать, каким образом из аристократического правления может получиться тимократическое. Трудно пошатнуть государство, устроенное таким образом. Однако раз всему, что возникает, бывает конец, то даже и такой строй не сохранится вечно, но подвергнется разрушению. Означать же это будет следующее: урожай и неурожай бывает не только на то, что произрастает из земли, но и на то, что на ней обитает, - на души и на тела, всякий раз, как круговращение приводит к полному завершению определенного цикла: у недолговечных существ этот цикл краток, у долговечных - наоборот. Когда железо примешается к серебру, а медь к золоту, возникнут отклонения и нелепые сочетания, а это, где бы оно не случилось, сразу порождает вражду и раздор. Борясь и соперничая друг с другом, они пришли наконец к чему-то среднему: согласились установить частную собственность на землю и дома, распределив их между собою, а тех, кого до той поры они охраняли как своих свободных друзей и кормильцев, решили обратить в рабов, сделав из них сельских рабочих и слуг, сами же занялись военным делом и сторожевой службой. Там побоятся ставить мудрых людей на государственные должности, потому что там уже нет подобного рода простосердечных и прямых людей, а есть лишь люди смешанного нрава; там будут склоняться на сторону тех, кто яростны духом, а также и тех, кто попроще - скорее рожденных для войны, чем для мира; там будут в чести военные уловки и ухищрения, ведь это государство будет вечно воевать. ... Такого рода люди будут жадны до денег, как это водится при олигархическом строе; в омрачении они, как дикари, почитают золото и серебро, у них заведены кладовые и домашние хранилища, чтобы все это прятать, свои жилища они окружают оградой, и там, прямо-таки как в собственном логове, они тратятся, не считаясь с расходами, на женщин и на кого угодно. ... Удовольствиям они предаются втайне, убегая от закона, как дети от строгого отца, ведь воспитало их насилие, а не убеждение... Одно только там бросается в глаза - соперничество и честолюбие, так как там господствует яростный дух. Каким же станет человек в соответствии с этим государственным строем? ... Он пожестче, менее образован и, хотя ценит образованность и охотно слушает других, сам, однако, нисколько не владеет словом. С рабами такой человек жесток, хотя их и не презирает, так как достаточно воспитан; в обращении со свободными людьми он учтив, а властям чрезвычайно послушен; будучи властолюбив и честолюбив, он считает, что основанием власти должно быть не умение говорить или что-либо подобное, но военные подвиги и вообще все военное, потому-то он и любит гимнастику и охоту. Следующим после этого государственным строем была бы, как я думаю, олигархия. ... Это строй, основывающийся на имущественном цензе; у власти стоят там богатые, а бедняки не участвуют в правлении. ... Скопление золота в кладовых у частных лиц губит тимократию... Чем больше они ценят дальнейшее продвижение по пути наживы, тем меньше почитают они добродетель. Раз в государстве почитают богатство и богачей, значит, там меньше ценятся добродетель и ее обладатели. ... А люди всегда предаются тому, что считают ценным, и пренебрегают тем, что не ценится. ... Кончается это тем, что вместо стремления выдвинуться и удостоиться почестей развивается склонность к стяжательству и наживе и получают одобрение богачи - ими восхищаются, их назначают на государственные должности, а бедняки там не в почете. ... Установление имущественного ценза становится законом и

нормой олигархического строя: чем более этот строй олигархичен, тем выше ценз; чем менее олигархичен, тем ценз ниже. Заранее объявляется, что к власти не допускаются те, у кого нет установленного имущественного ценза. Такого рода государственный строй держится применением вооруженной силы или же был еще прежде установлен путем запугивания. ... Главный порок - это норма, на которой он основан. Посуди сам: если кормчих на кораблях назначать согласно имущественному цензу, а бедняка, будь он и больше способен к управлению кораблем, не допускать... ...Подобного рода государство неизбежно не будет единым, а в нем как бы будут два государства: одно - бедняков, другое - богачей. Хотя они и будут населять одну и ту же местность, однако станут вечно злоумышлять друг против друга. Но нехорошо еще и то, что они, пожалуй, не смогут вести какую бы то ни было войну, так как неизбежно получилось бы, что олигархи, дав оружие в руки толпы, боялись бы ее больше, чем неприятеля... Вдобавок они не пожелали бы тратиться на войну, так как держатся за деньги. ... Посмотри, не при таком ли именно строе разовьется величайшее из всех этих зол? - Какое именно? - Возможность продать все свое имущество - оно станет собственностью другого, - а продавши, продолжать жить в этом же государстве, не принадлежа ни к одному из его сословий, то есть не будучи ни дельцом, ни ремесленником, ни всадником, ни гоплитом, но тем, кого называют бедняками и неимущими. - Такой строй словно создан для этого! - При олигархиях ничто не препятствует такому положению, иначе не были бы в них одни чрезмерно богатыми, а другие совсем бедными. Вслед за тем давай рассмотрим и соответствующего человека - как он складывается и каковы его свойства. ...Пострадав и потеряв состояние, даже испугавшись, думаю я, за свою голову, он в глубине души свергает с престола честолюбие и присущий ему прежде яростный дух. Присмирив из-за бедности, он ударяется в стяжательство, в крайнюю бережливость и своим трудом понемногу копит деньги. Что ж, разве, думаешь ты, такой человек не возведет на трон свою алчность и корыстолюбие и не сотворит себе из них Великого царя..? ... А у ног этого царя, прямо на земле, он там и сям рассадит в качестве его рабов разумность и яростный дух. Он не допустит никаких иных соображений, имея в виду лишь умножение своих скромных средств. Кроме богатства и богачей, ничто не будет вызывать у него восторга и почитания, а его честолюбие будет направлено лишь на стяжательство и на все то, что к этому ведет. Он бережлив и деятелен, удовлетворяет лишь самые насущные свои желания, не допуская других трат и подавляя прочие влечения как пустые. Посмотри еще вот что: разве мы не признаем, что у него из-за недостатка воспитания появляются наклонности трутня - отчасти нищенские, отчасти преступные, хотя он всячески их сдерживает из предосторожности? ... Он укрощает их не по разумным соображениям, а в силу необходимости, из страха, потому что дрожит за судьбу собственного имущества. И конечно, его бережливость будет препятствовать ему выступить за свой счет, когда граждане будут соревноваться в чем-либо ради победы или ради удовлетворения благородного честолюбия; он не пожелает тратить деньги ради таких состязаний и славы, боясь пробудить в себе наклонность к расточительству... После этого, как видно, надо рассмотреть демократию - каким образом она возникает, а возникнув, какие имеет особенности, - чтобы познакомиться в свою очередь со свойствами человека подобного склада и вынести о нем свое суждение. ... Олигархия переходит в демократию примерно следующим образом: причина здесь в ненасытной погоне за предполагаемым благом, состоящим якобы в том, что надо быть как можно богаче. ... Да ведь при олигархии правители, стоящие у власти, будучи богатыми, не захотят ограничивать законом распушенность молодых людей и запрещать им расточать и губить свое состояние; напротив, правители будут скупать их имущество или давать им под проценты ссуду, чтобы самим стать еще богаче и могущественнее. В таком государстве эти люди, думаю я, сидят без дела, но зато у них есть и жало, и оружие; одни из них кругом в долгах, другие лишились гражданских прав, а иных постигло и то и другое; они полны ненависти к тем, кто владеет теперь их имуществом, а также и к прочим и замышляют переворот. ... Между тем дельцы, поглощенные своими делами, по-видимому, не замечают таких людей; они приглядываются к остальным и своими денежными ссудами наносят раны тем, кто податлив; взимая проценты, во много раз превышающие первоначальный долг, они разводят в государстве множество трутней и нищих. Что же касается самих правителей и их окружения, то молодежь у них избалованная, ленивая телом и духом и слабая; у нее нет выдержки ни в страданиях, ни в удовольствиях, и вообще она бездеятельна. Самим же им, кроме наживы, ни до чего нет дела, а о добродетели они радуют ничуть не больше, чем бедняки. ...Нередко бывает, что человек неимущий, худой, опаленный солнцем, оказавшись во время боя рядом с богачем, выросшим в тенистой прохладе и нагулявшим себе за чужой счет жирок, видит, как тот задыхается и совсем растерялся. Разве, по-твоему, этому бедняку не придет на мысль, что подобного рода люди богаты лишь благодаря малодушию бедняков, и разве при встрече без посторонних глаз с таким же бедняком не скажет он ему: "Господа-то наши - никчемные люди"? ... Подобно тому, как для нарушения равновесия болезненного тела достаточно малейшего толчка извне, чтобы ему расхвораться,

- а иной раз расстройство в нем бывает и без внешних причин, - так и государство, находящееся в подобном состоянии, болеет и воюет само собой по малейшему поводу... Демократия, на мой взгляд, осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию. В демократическом государстве нет никакой надобности принимать участие в управлении, даже если ты к этому и способен; не обязательно и подчиняться, если ты не желаешь, или воевать, когда другие воюют, или соблюдать, подобно другим, условия мира, если ты мира не жаждешь. И опять-таки, если какой-нибудь закон запрещает тебе управлять либо судить, ты все же можешь управлять и судить, если это тебе придет в голову. Разве не чудесна на первый взгляд и не соблазнительна подобная жизнь? Эта снисходительность вовсе не мелкая подробность демократического строя; напротив, в этом сказывается презрение ко всему тому, что мы считали важным, когда основывали наше государство. Если у человека, говорили мы, не выдающаяся натура, он никогда не станет добродетельным; то же самое, если с малолетства - в играх и в своих занятиях - он не соприкасается с прекрасным. Между тем демократический строй, высокомерно поправ все это, нисколько не озабочен тем, кто от каких занятий переходит к государственной деятельности. Человеку оказывается почет, лишь бы он обнаружил свое расположение к толпе. Эти и подобные им свойства присущи демократии - строю, не имеющему должного управления, но приятному и разнообразному. При нем существует своеобразное равенство - уравнивающее равных и неравных. Взгляни же, как эти свойства отразятся на отдельной личности. Когда юноша, выросший, как мы только что говорили, без должного воспитания и в обстановке бережливости, вдруг отведаст меда трутней и попадет в общество опасных и лютых зверей, которые способны доставить ему всевозможные наслаждения, самые пестрые и разнообразные, это-то и будет у него, поверь мне, началом перехода от олигархического типа к демократическому. Опорожнив и очистив душу юноши, уже захваченную ими и посвященную в великие таинства, они затем низведут туда, с большим блеском, в сопровождении многочисленного хора, наглость, разнузданность, распутство и бесстыдство, увенчивая их венками и прославляя в смягченных выражениях: наглость они будут называть просвещенностью, разнузданность - свободой, распутство великолепием, бесстыдство - мужеством. Разве не именно так человек, воспитанный в границах необходимых воздержаний, уж в юные годы переходит к развязному потаканию вожделениям, лишенным необходимости и бесполезным. Но если, на его счастье, вакхическое неистовство не будет у него чрезмерным, а к тому же он станет немного постарше и главное смятение отойдет уже в прошлое, он отчасти вернется к своим изгнанным было вожделениям, не полностью станет отдаваться тем, которые вторглись, и в его жизни установится какое-то равновесие желаний: всякий раз он будет подчиняться тому из них, которое ему словно досталось по жребию, пока не удовлетворит его полностью, а уж затем - другому желанию, причем ни одного он не отвергнет, но все будет питать поровну. Из дня в день такой человек живет, угождая первому налетевшему на него желанию: то он пьянствует под звуки флейт, то вдруг пьет одну только воду и изнуряет себя, то увлекается телесными упражнениями; а то бывает, что нападет на него лень, и тогда ни до чего ему нет охоты. Порой он проводит время в занятиях, кажушихся философскими. Часто занимают его общественные дела: внезапно он вскакивает и говорит и делает что придется. Увлечется он людьми военными - туда его и несет, а если дельцами, то тогда в эту сторону. В его жизни нет порядка, в ней не царит необходимость; приятной, вольной и блаженной называет он эту жизнь и как таковой все время ею и пользуется. - Ты отлично показал уклад жизни свободного человека в условиях равноправия. - Что ж? Допустим ли мы, что подобного рода человек соответствует демократическому строю и потому мы вправе назвать его демократическим? - Допустим. - Но самое дивное государственное устройство и самого дивного человека нам еще остается разобрать: это - тирания и тиран. Как из олигархии возникла демократия, не так ли и из демократии получается тирания? ... Благо, выдвинутое как конечная цель - в результате чего и установилась олигархия, было богатство, не так ли? ... А ненасытное стремление к богатству и пренебрежение всем, кроме наживы, погубили олигархию. ... Так вот, и то, что определяет как благо демократия и к чему она ненасытно стремится, именно это ее и разрушает. - Что же она, по-твоему, определяет как благо? - Свободу. В демократическом государстве только и слышишь, как свобода прекрасна и что лишь в таком государстве стоит жить тому, кто свободен по своей природе. ... Так вот... такое ненасытное стремление к одному и пренебрежение к остальному искажает этот строй и подготавливает нужду в тирании. ... Граждан, послушных властям, там смешивают с грязью как ничего не стоящих добровольных рабов, зато правителей, похожих на подвластных, и подвластных, похожих на правителей, там восхваляют и почитают как в частном, так и в общественном обиходе. Но крайняя свобода для народа такого государства состоит в том, что купленные рабы и рабыни ничуть не менее свободны, чем их

покупатели. Да, мы едва не забыли сказать, какое равноправие и свобода существуют там у женщин по отношению к мужчинам и у мужчин по отношению к женщинам. ... Лошади и ослы привыкли здесь выступать важно и с полной свободой, напирая на встречающих, если те не уступают им дороги! Так-то вот и все остальное преисполняется свободой. Так вот, мой друг, именно из этого правления, такого прекрасного и по-юношески дерзкого, и вырастает, как мне кажется, тирания. ... Та же болезнь, что развилась в олигархии и ее погубила, еще больше и сильнее развивается здесь - из-за своеволия - и поработывает демократию. В самом деле, все чрезмерное обычно вызывает резкое изменение в противоположную сторону, будь то состояние погоды, растений или тела. Не меньше это наблюдается и в государственных устройствах. ... Ведь чрезмерная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства оборачивается не чем иным, как чрезвычайным рабством. ... Так вот, тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство. Но думаю я, ты об этом не спрашивал, о том, какая болезнь, встречающаяся в олигархии, так же точно подтачивает демократию и поработывает ее. ... Этой болезнью я считал появление особого рода людей, праздных и расточительных, под предводительством отчаянных смельчаков, за которыми тянутся и не столь смелые, мы их уподобили трутням, часть которых имеет жало, а часть его лишена. Оба этих разряда, чуть появятся, вносят расстройство в любой государственный строй, как воспаление и желчь - в тело. и хорошему врачу, и государственному законодателю надо заранее принимать против них меры не менее, чем опытному пчеловоду, - главным образом, чтобы не допустить зарождения трутней, - но, если уж они появятся, надо вырезать вместе с ними и соты. Разделим мысленно демократическое государство на три части - да это и в действительности так обстоит. Одну часть составят подобного рода трутни: они возникают здесь хоть и вследствие своеволия, но не меньше, чем при олигархическом строе. ... Там они не в почете, наоборот, их отстраняют от занимаемых должностей, и потому им не на чем набить себе руку и набрать силу. А при демократии они, за редкими исключениями, чуть ли не стоят во главе: самые ядовитые из трутней произносят речи и действуют, а остальные усаживаются поближе к помосту, жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе. Выходит, что при таком государственном строе всем, за исключением немногочисленного, распоряжаются подобные люди. Из дельцов самыми богатыми большей частью становятся и наиболее собранные по природе. ... С них-то трутням всего удобнее собрать побольше меда. - Как же его и возьмешь с тех, у кого его мало? - Таких богачей обычно называют сотами трутней. Третий разряд составляет народ - те, что трудятся своими руками, чужды дельчества, да и имущества у них не много. Они всего многочисленнее и при демократическом строе всего влиятельнее, особенно когда соберутся вместе. - Да, но у них нет желания делать это часто, если им не достается их доля меда. - А разве они не всегда в доле, поскольку власти имеют возможность отнять собственность у имущих и раздать ее народу, оставив большую часть себе? - Таким-то способом они всегда получают свою долю. - А разве народ не привык особенно отличать кого-то одного, ухаживать за ним и его возвеличивать? - Конечно, привык. - Значит, уж это-то ясно, что, когда появляется тиран, он вырастает именно из этого корня, то есть как ставленник народа. Он тот, кто подымает восстание против обладающих собственностью. ... Если он потерпел неудачу, подвергся изгнанию, а потом вернулся - назло своим врагам, - то возвращается он уже как законченный тиран. В первые дни, вообще в первое время он приветливо улыбается всем, кто бы ему ни встретился, а о себе утверждает, что он вовсе не тиран; он дает много обещаний частным лицам и обществу; он освобождает людей от долгов и раздает землю народу и своей свите. Так притворяется он милостивым ко всем и кротким. ... Когда же он примирится кое с кем из своих врагов, а иных уничтожит, так что они перестанут его беспокоить, я думаю, первой его задачей будет постоянно вовлекать граждан в какие-то войны, чтобы народ испытывал нужду в предводителе... да и для того, чтобы из-за налогов люди обеднели и перебивались со дня на день, меньше злоумышляя против него. ... А если он заподозрит кого в вольных мыслях и в отрицании его правления, то таких людей он уничтожит под предлогом, будто они предались неприятелю. Ради всего этого тирану необходимо постоянно будоражить всех посредством войны. ... Но такие действия делают его все более и более ненавистным для граждан. ... Между тем и некоторые из влиятельных лиц, способствовавших его возвышению, станут открыто, да и в разговорах между собой выражать ему недовольство всем происходящим - по крайней мере те, кто посмелее. ... Чтобы сохранить за собой власть, тирану придется их всех уничтожить, так что в конце концов не останется никого ни из друзей, ни из врагов, кто бы на что-то годился. ... Значит, тирану надо зорко следить за тем, кто мужествен, кто великодушен, кто разумен, кто богат. Велико же счастье тирана: он поневоле враждебен всем этим людям и строит против них козни, пока не очистит от них государство. - Дивное очищение, нечего сказать! - Да, оно противоположно тому, что применяют врачи: те удаляют из тела все наихудшее, оставляя самое лучшее, здесь же дело обстоит наоборот. О его блаженстве говорит и стоящий перед ним выбор: либо

обитать вместе с толпой негодяев, притом тех, кто его ненавидит, либо проститься с жизнью. И не правда ли, чем более он становится ненавистен гражданам этими своими действиями, тем больше требуется ему верных телохранителей? - Конечно. - А кто ему верен? Откуда их взять? - Их налетит сколько угодно, стоит лишь заплатить. - Клянусь собакой, мне кажется, ты опять заговорил о каких-то трутнях, о чужеземном сброде. - Это тебе верно кажется. - ...Давай вернемся снова к этому войску тирана, столь многочисленному, великолепному, пестрому, всегда меняющему свой состав, и посмотрим, на какие средства оно содержится. ... Понимаю: раз народ породил тирана, народу же и кормить его и его сподвижников. А если народ в негодовании скажет, что взрослый сын не вправе кормиться за счет отца, скорее уж, наоборот, отец за счет сына, и что отец не для того родил сына и поставил его на ноги, чтобы самому, когда тот подрастет, попасть в рабство к своим же собственным рабам и кормить и сына, и рабов и всякое отребье? Напротив, раз представитель народа так выдвинулся, народ мог бы рассчитывать освободиться от богачей и так называемых достойных людей; теперь же народ велит и ему и его сподвижникам покинуть пределы государства: как отец выгоняет из дому сына вместе с пьяной ватагой. - Народ тогда узнает, клянусь Зевсом, что за тварь он породил, да еще и любовно вырастил; он убедится, насколько мощны те, кого он пытается выгнать своими слабыми силами. - По пословице, "избегая дыма, угодишь в огонь"; так и народ из подчинения свободным людям попадает в услужение к деспотической власти и свою неумеренную свободу меняет на самое тяжкое и горькое рабство - рабство у рабов.

Книга девятая

Остается рассмотреть самого человека при тираническом строе ... Посмотри же, что мне хочется здесь выяснить: из тех удовольствий и вожделений, которые лишены необходимости, некоторые представляются мне противозаконными. Они, пожалуй, присущи всякому человеку, но, обуздываемые законами и лучшими вожделениями, либо вовсе исчезают у некоторых людей, либо ослабевают и их остается мало. Однако есть и такие люди, у которых они становятся и сильнее, и многочисленнее. - О каких вожделениях ты говоришь? - О тех, что пробуждаются во время сна, когда дремлет главное, разумное и кроткое, начало души, зато начало дикое, звероподобное под влиянием сытости и хмеля вздымается на дыбы, отгоняет от себя сон и ищет, как бы удовлетворить свой нор. Если ему вздумается, оно не остановится даже перед попыткой сойтись с собственной матерью, да и с кем попало из людей, богов или зверей; оно осквернит себя каким угодно кровопролитием и не воздержится ни от какой пищи. Одним словом, ему все нипочем в его бесстыдстве и безрассудстве. Когда человек соблюдает себя в здоровой воздержанности, он, отходя ко сну, пробуждает свое разумное начало, потчует его прекрасными доводами и рассуждениями и таким образом воздействует на свою совесть. Вожделеющее же начало он хоть и не морит голодом, но и не удовлетворяет его до пресыщения: пусть оно успокоится и не тревожит своими радостями и скорбями благороднейшее в человеке; пусть это последнее без помехи, само по себе, в совершенной своей чистоте стремится к исследованию и ощущению того, что ему еще не известно, будь то прошлое, настоящее или будущее. Но мы слишком отклонились в сторону, говоря об этом. Мы хотели убедиться лишь вот в чем: какой-то страшный, дикий и незаконный вид желаний таится внутри каждого человека, даже в тех из нас, что кажутся вполне умеренными; это-то и обнаруживается в сновидениях. Человек, мой друг, становится полным тираном тогда, когда он пьян, или слишком влюбчив, или же сошел с ума от разлития черной желчи, а все это из-за того, что такова его натура, либо привычки, либо то и другое. ... По-моему, после этого пойдут у них празднества, шествия всей ватагой, пирушки, заведутся подружки, ну и так далее, ведь тиран-Эрот, обитающий в их душе, будет править всем, что в ней есть. ... С каждым днем и с каждой ночью будут расцветать много ужаснейших вожделений, предъявляющих непомерные требования. ... Значит, и доходы, если какие и были, скоро иссякнут. ... А за этим последуют заклады имущества и сокращение средств. ... Когда все истощится, тогда рой раздувшихся вожделений, угнездившихся в этих людях, начнет жужжать и эти люди, словно гонимые стрелами различных желаний, а особенно Эротом, впадут в безумие и будут высматривать, у кого что есть и что можно отнять с помощью обмана или насилия. ... У них настоящая потребность грабить, иначе придется терпеть невыносимые муки и страдания. Раньше, пока человек подчинялся обычаям, законам и своему отцу и внутренне ощущал себя демократом, эти желания высвобождались у него лишь в сновидениях; теперь же, когда его тиранит Эрот, человек навсегда становится таким, каким изредка бывал во сне, ему не удержаться не от убийства, ни от обжорства, ни от проступка, как бы ужасно все это не было: посреди всяческого безначалия и беззакония в нем тиранически живет Эрот. Как единоличный властитель, он доведет объятых им человека, словно подвластное ему государство, до всевозможной дерзости, чтобы любой ценой удовлетворить себя, и сопровождающую его буйную ватагу, составившуюся из всех тех вожделений, что нахлынули на человека отчасти извне, из его дурного окружения, отчасти же изнутри,

от бывших в нем самом такого же рода вожделений, которые он теперь распустил, дав им волю. Когда подобного рода людей в государстве немного, а все прочие мыслят здраво, те уезжают в чужие земли, служат там телохранителями какого-нибудь тирана или в наемных войсках, если где идет война. Когда же подобные вожделения проявляются у них в мирных условиях, то у себя на родине они творят много зла, хотя и по мелочам. ... Они совершают кражи, подкапываются под стены, отрезают кошельки, раздевают прохожих, святотатствуют, продают людей в рабство. Бывает, что они занимаются и доносами, если владеют словом, а то и выступают с ложными показаниями или берут взятки. - Нечего сказать, по мелочам! Так ведь ты выразился о причиняемом ими зле, когда этих людей немного? - Да, по мелочам, потому что сравнительно с великим злом это действительно мелочи, ведь в смысле вреда и несчастья для государства все это лишено, как говорится, того размаха, каким отличается тиран. когда в государстве наберется много таких людей и их последователей и они ощутят свою многочисленность, то как раз из их среды и рождается тиран, чему способствует безрассудство народа. Это будет тот из них, кто сам в себе, то есть в своей душе, носит самого великого и отъявленного тирана. Подобного рода люди таковы и в частной жизни, еще прежде, чем станут у власти. С кем бы они ни вступали в общение, они требуют лести и полной готовности к услугам, а когда сами в чем-нибудь нуждаются, тогда так и льнут к человеку, без стеснения делая вид, будто с ним близки, но, чуть добьются своего, они опять с ним чужие. ... Значит, за всю свою жизнь они ни разу ни с кем не бывали друзьями; они вечно либо господствуют, либо находятся в рабстве: тираническая натура никогда не отведывала ни свободы, ни подлинной дружбы. Раз отдельный человек подобен государству, то и в нем необходимо должен быть тот же порядок: душа его преисполнена рабством и низостью, те же ее части, которые были наиболее порядочными, находятся в подчинении, а господствует лишь малая ее часть, самая порочная и неистовая. ... А ведь рабское и тиранически управляемое государство всего менее делает то, что хочет. ... Значит, и тиранически управляемая душа всего менее будет делать что ей вздумается, если говорить о душе в целом. Всегда подстрекаемая и насилуемая яростным слепнем, она будет полна смятения и раскаяния. Богатым или бедным бывает по необходимости тиранически управляемое государство? - Бедным. - Значит, и тиранически управляемой душе приходится неизбежно быть всегда бедной и неудовлетворенной. Что же? Разве такое государство и такой человек не преисполнены неизбежно страха? ... Где же еще, в каком государстве, по-твоему, больше горя, стонов, плача, страданий? ... А думаешь ли ты, что всего этого больше у кого-нибудь другого, чем у человека тиранического, неистовствующего из-за своих вожделений и страстей? А разве не в такой тюрьме сидит тот тиран, чью натуру мы разбирали? Ведь он полон множества разных страстей и страхов; со своей алчной душой только он один во всем государстве не смеет ни выехать куда-либо, ни пойти взглянуть на то, до чего охотники все свободнорожденные люди; большей частью он, словно женщина, живет затворником в своем доме и завидует остальным гражданам, когда кто-нибудь уезжает в чужие земли и может увидеть что-то хорошее. Вдобавок ко всем этим бедам еще хуже придется тому, кто внутренне плохо устроен, то есть человеку с тираническими наклонностями, если он не проведет свою жизнь как частное лицо, а будет вынужден каким-то случаем действительно стать тираном и, не умея справляться с самим собой, попытается править другими. Это вроде того, как если бы человек слабого здоровья, не справляющийся со своими болезнями, проводил свою жизнь не в уединении, а, напротив, был бы вынужден бороться и состязаться с другими людьми. Значит... кто подлинно тиран, тот подлинно раб величайшей угодливости и рабства, вынужденный льстить самым дурным людям. ему не удовлетворить своих вожделений, очень многого ему крайне не хватает, он оказывается поистине бедняком, если кто сумеет охватить взглядом всю его душу. всю свою жизнь он полон страха, он содрогается и мучается, коль скоро он сходит со строем того государства, которым управляет. ... Власть неизбежно делает его завистливым, вероломным, несправедливым, недружелюбным и нечестивым; он поддерживает и питает всяческое зло; вследствие всего этого он будет чрезвычайно несчастен и такими же сделает своих близких. Раз государство подразделяется на три сословия, то и в душе каждого отдельного человека можно различить три начала. ... Мы говорили, что одно начало - это то, посредством которого человек познает, другое - посредством которого он распаляется, третье же... мы нарекли вожделем - из-за необычайной силы вожделений к еде, питью, любовным утехам и всему тому, что с этим связано. Сюда относится и сребролюбие, потому что для удовлетворения таких вожделений очень нужны деньги. ... И, если бы мы назвали это начало сребролюбивым и корыстолюбивым, разве не было бы справедливым и такое наименование? ... Дальше. Не скажем ли мы, что яростный дух всегда и всецело устремлен на то, что бы взять верх над кем-нибудь, победить и прославиться? ... Так что, если мы назовем его честолюбивым и склонным к соперничеству, это будет уместно? ... Ну а то начало, посредством которого мы познаем? Всякому ясно, что оно всегда и полностью направлено на познание истины, то есть того, в чем она состоит, а о деньгах и молве заботится менее всего. ... Назвав его любознательным и

философским, мы обозначили бы его подходящим образом? ... Но у одних людей правит в душе одно начало, у других - другое; это уж как придется. ... Поэтому давай прежде всего скажем, что есть три рода людей: одни философы, другие - честолюбцы, третьи - сребролюбцы. И что есть три вида удовольствий, соответственно каждому из этих видов людей. А знаешь, если у тебя явится желание спросить поочередно этих трех людей, какая жизнь всего приятнее, каждый из них будет особенно хвалить свою. Делец скажет, что в сравнении с наживой удовольствие от почета или знаний ничего не стоит, разве что из этого можно извлечь доход. А честолюбец? Разве он не считает, что удовольствия, доставляемые деньгами, - это нечто пошлое, а с другой стороны, удовольствия от знаний, поскольку наука не приносит почета, - это просто дым? ... Чем же, думаем мы, считает философ все прочие удовольствия сравнительно с познанием истины - в чем она состоит - и постоянным расширением своих знаний в этой области? Разве он не находит, что все прочее очень далеко от удовольствия? Да и в других удовольствиях он ничуть не нуждается, разве что их уж нельзя избежать: поэтому-то он и называет их необходимыми. Так посмотри: из этих трех человек кто всего опытнее в тех удовольствиях, о которых мы говорили? ... Философ намного превосходит корыстолюбца, ведь ему неизбежно пришлось отведать того и другого с самого детства... Многие почитают богатого человека, мужественного или мудрого, так что в удовольствии от почета все имеют опыт и знают, что это такое. А какое удовольствие доставляет созерцание бытия, этого никому, кроме философа, вкусить не дано. Итак, поскольку имеются три вида удовольствий, значит, то из них, что соответствует познающей части души, будет наиболее полным, и, в ком из нас эта часть преобладает, у того и жизнь будет всего приятнее. - Ясно, что удовольствия человека воинственного и честолюбивого ближе к первым, чем удовольствия приобретателя. - Значит, на последнем месте стоят удовольствия корыстолюбца. - Конечно. - Итак, вот прошли подряд как бы два состязания и дважды вышел победителем человек справедливый, а несправедливый проиграл. Вспомни слова больных... Они говорят: нет ничего приятнее, чем быть здоровым. Но до болезни они не замечали, насколько это приятно. И если человек страдает от какой-нибудь боли, ты слышал, как говорят, что приятнее всего, когда боль прекращается. И во многих подобных же случаях ты замечаешь, я думаю, что люди, когда у них горе, мечтают не о радостях, как о высшем удовольствии, о том, чтобы не было горя и наступил бы покой. - Покой становится тогда, пожалуй, желанным и приятным. - А когда человек лишается какой-нибудь радости, покой после удовольствия будет печален. Следовательно... покой только тогда и будет удовольствием, если его сопоставить со страданием, и, наоборот, он будет страданием в сравнении с удовольствием. Но с подлинным удовольствием эта игра воображения не имеет ничего общего: в ней нет ровно ничего здравого, это одно наваждение. Рассмотрим же те удовольствия, которым не предшествует страдание, а то ты, может быть, думаешь, будто ныне самой природой устроено так, что удовольствие - это прекращение страдания, а страдание - прекращение удовольствия. Их много, и притом разных... возьми удовольствия, связанные с обонянием: мы испытываем их внезапно с чрезвычайной силой и без всякого предварительного страдания, а когда эти удовольствия прекращаются, они не оставляют после себя никаких мучений. Насчет удовольствия, страдания и промежуточного состояния люди настроены так, что, когда их относит в сторону страдания, они судят верно и подлинно страдают, но, когда они переходят от страдания к промежуточному состоянию, они очень склонны думать, будто это приносит удовлетворение и радость. Можно подумать, что они глядят на серое, сравнивая его с черным и не зная белого, - так заблуждаются они, сравнивая страдание с его отсутствием и не имея опыта в удовольствии. ... Вдумайся вот во что: голод, жажда и тому подобное - разве это не ощущение состояния пустоты в нашем теле? ... А незнание и непонимание - разве это не состояние пустоты в душе? ... Подобную пустоту человек заполнил бы, приняв пищу или поумнев. ... А что было бы подлиннее: заполнение более действительным или менее действительным бытием? ... То, что причастно вечно тождественному, подлинному и бессмертному, что само тождественно и возникает в тождественном, не находишь ли ты более действительным, чем то, что причастно вечно изменчивому и смертному, что само таково и в таком же возникает? Значит, всякого рода попечение о теле меньше причастно истине и бытию, чем попечение о душе? ... Значит, то, что заполняется более действительным и само более действительно, в самом деле заполняется больше, чем то, что заполняется менее действительным и само менее действительно? ... Раз бывает приятно, когда тебя наполняет что-нибудь подходящее по своей природе, то и действительное наполнение чем-то более действительным заставляло бы более действительно и подлинно радоваться подлинному удовольствию, между тем как добавление менее действительного наполняло бы менее подлинно и прочно и доставляло бы менее достоверное и подлинное удовольствие. ... Значит, у кого нет опыта в рассудительности и добродетели, кто вечно проводит время в пирушках и других подобных увеселениях, того, естественно, относит вниз, а потом опять к середине, и вот так они блуждают всю жизнь. Им не выйти за эти

пределы, ведь они никогда не взирали на подлинно возвышенное и не возносились к нему, не наполнялись в действительности действительным, не вкушали надежного и чистого удовольствия; подобно скоту, они всегда смотрят вниз, склонив голову к земле... и к столам: они пасутся, обжираясь и совокупляясь, и из-за жадности ко всему этому лягают друг друга, бодаясь железными рогами, забивая друг друга насмерть копытами, все из-за ненасытности, так как они не заполняют ничем действительным ни своего действительного начала, ни своей утробы. - Великолепно, - сказал Главкон, - словно прорицатель, изображаешь ты, Сократ, жизнь большинства. Разве не вызывается нечто подобное и яростным началом нашей души? Человек творит то же самое либо из зависти - вследствие честолюбия, либо прибегает к насилию из-за соперничества, либо впадает в гнев из-за своего тяжелого нрава, когда бессмысленно и неразумно преследует лишь одно: насытиться почестями, победой, яростью. ... Отважмся ли мы сказать, что даже там, где господствуют вожделения, направленные на корыстолюбие и соперничество, если они сопутствуют познанию и разуму и вместе с ним преследуют удовольствия, проверяемые разумным началом, они все же разрешаются в самых подлинных удовольствиях, поскольку подлинные удовольствия доступны людям, добывающимся истины? ... Стало быть, если вся душа в целом следует за своим философским началом и не раздражаема противоречиями, то для каждой ее части возможно не только делать все остальное по справедливости, но и находить в этом свои особые удовольствия, самые лучшие и по мере сил самые истинные. А всего дальше отходит от разума то, что отклоняется от закона и порядка. Тиран, избегая закона и разума, перешел в запредельную область ложных удовольствий. Там он и живет, и телохранителями ему служат какие-то рабские удовольствия. Тогда говорилось, что человеку, полностью несправедливому, выгодно быть несправедливым при условии, что его считают справедливым. ...Принесет ли кому-нибудь пользу обладание золотом, полученным несправедливым путем? Ведь при этом происходит примерно вот что: золото он возьмет, но одновременно с этим поработит наилучшую свою часть самой скверной. Или если за золото человек отдаст сына или дочь в рабство, да еще людям злым и диким, этим он ничего не выгадает, даже если получит за это очень много. Коль скоро он безжалостно поработяет самую божественную свою часть, подчиняя ее самой безбожной и гнусной, разве это не жалкий человек и разве полученная им мзда не ведет его к еще более ужасной гибели, чем Эрифилу, обретшую ожерелье ценой души своего мужа? ... А как, по-твоему, не потому ли с давних пор осуждали невоздержанность, что она сверх всякой меры дает волю в невоздержанном человеке той страшной, огромной и многообразной твари? Почему, как ты думаешь, ставятся человеку в упрек занятия ремеслами и ручным трудом? Не потому ли, что, когда у человека лучшая его часть ослаблена, так что ему не под силу справиться с теми тварями, которые находятся у него внутри, он способен лишь угождать им? Как их ублажать вот единственное, в чем он знает толк. ... Для того чтобы и такой человек управлялся началом, подобным тому, каким управляют лучшие люди, мы скажем, что ему надлежит быть рабом лучшего человека, в котором господствующее начало - божественное. Не во вред себе должен быть в подчинении раб, как это думал Фрасимах относительно всех подвластных; напротив, всякому человеку лучше быть под властью божественного и разумного начала, особенно если имеешь его в себе как нечто свое; если же этого нет, тогда пусть оно воздействует извне, чтобы по мере сил между всеми нами было сходство и дружба и все мы управлялись бы одним и тем же началом. ... Да и закон, поскольку он союзник всех граждан государства, показывает, что он ставит себе такую же цель. То же и наша власть над детьми: мы не даем им воли до тех пор, пока не приучим их к некоему порядку, словно они - некое государство, и, развивая в себе лучшее начало, не поставим его стражем и правителем над таким же началом у них, после этого мы отпускаем их на свободу. Так как же тогда, Главкон, и на каком основании могли бы мы сказать, будто полезно поступать несправедливо, быть невоздержанным и творить безобразия? От этого человек будет только хуже, хотя он и приобрел много денег и в других отношениях стал бы могущественным. И не правда ли, что разумный человек... будет прежде всего ценить те познания, которые делают его душу такой, а прочими пренебрежет. ... Он не подчинит состояние своего тела и его питание звероподобному и бессмысленному удовольствию, обратив в эту сторону все свое существование. Даже на здоровье он не будет обращать особого внимания, не поставит себе целью непременно быть сильным, здоровым, красивым, если это не будет способствовать рассудительности. Он обнаружит способность наладить гармонию своего тела ради согласия и гармонии души. И в обладании имуществом у него также будет порядок и согласованность? Он будет соблюдать свой внутренний строй и будет начеку - как бы там что не нарушилось из-за изобилия или, наоборот, из-за недостатка имущества - так станет он управлять своими доходами и расходами. Но и в том, что касается почестей, он будет учитывать то же самое: он не отклонит их и даже охотно отведаст, если найдет, что они делают его добродетельнее, но, если они нарушат достигнутое им состояние согласованности, он будет избегать их и в частной, и в общественной жизни. - Раз он заботится об этом,

значит, он не захочет заниматься государственными делами. - Клянусь собакой, очень даже захочет, но только в собственном государстве, а у себя на родине, может быть, и нет, разве уж определит так божественная судьба. - Понимаю: ты говоришь о государстве, устройство которого мы только что разобрали, то есть о том, которое находится лишь в области рассуждений, потому что на земле, я думаю, его нет нигде. - Но может быть, есть на небе его образец, доступный каждому желающему; глядя на него, человек задумается над тем, как бы это устроить самого себя. А есть ли такое государство на земле и будет ли оно - это совсем не важно. Человек этот занялся бы делами такого - и только такого - государства. - Именно так.

Книга десятая

Хочешь, мы начнем разбор отсюда, с помощью обычного нашего метода: для каждого множества вещей, обозначаемых одним именем, мы обычно устанавливаем только один определенный вид. ... И обычно мы говорим, что мастер изготавливает ту или иную вещь, всматриваясь в ее идею: один делает кровати, другой - столы, нужные нам, и то же самое и в остальных случаях. Но никто из мастеров не создает самое идею. Разве он это может? Раз он делает не то, что есть, он не сделает подлинно сущего; он сделает только подобное, но не само существующее. И если бы кто признал изделие плотника или любого другого ремесленника совершенной сущностью, он едва ли был бы прав. ... Значит, мы не станем удивляться, если его изделие будет каким-то смутным подобием подлинника. ... Так вот, эти самые кровати бывают троякими: одна существует в самой природе, и ее мы признали бы, думаю я, произведением бога. ... Другая - это произведение плотника. ... Третья - произведение живописца, не так ли? Бог, потому ли, что не захотел, или в силу необходимости, требовавшей, чтобы в природе была завершена только одна кровать, сделал, таким образом, лишь одну-единственную, она-то и есть кровать как таковая, а двух подобных либо больше не было создано богом либо не может быть в природе. Потому что, если бы он сделал их всего две, все равно оказалось бы, что это одна, и именно та, вид которой имели бы они обе: это была бы та единственная кровать, кровать как таковая, а двух кроватей бы не было. ... Я думаю, что бог, зная это, хотел быть действительным творцом действительно существующей кровати, но не какой-то кровати и не каким-то мастером по кроватям. Поэтому-то он и произвел одну кровать, единственную по своей природе. ... Хочешь, мы назовем его творцом этой вещи или как-то в этом роде? - Это было бы справедливо, потому что и эту вещь, и все остальное он создал согласно природе. Скажи мне насчет живописца вот еще что: как, по-твоему, пытается ли он воспроизвести все то, что содержится в природе, или же он подражает творениям мастеров? - Творениям мастеров. - Таким ли, каковы эти творения на самом деле или какими они кажутся? Это ведь ты тоже должен разграничить. Какую задачу ставит перед собой каждый раз живопись? Стремится ли она воспроизвести действительное бытие или только кажимость? Иначе говоря, живопись - это воспроизведение призраков или действительности? - Призраков. - Значит, подражательное искусство далеко от действительности. Потому-то, сдается мне, оно и может воспроизводить все что угодно, ведь оно только чуть-чуть касается любой вещи, да и тогда выходит лишь призрачное ее отображение. Следует рассмотреть, обманывались ли люди, встречая этих подражателей, замечали ли они, глядя на их творения, что такие вещи трое отстоят от подлинного бытия и легко выполнимы для того, кто не знает истины, ведь тут творят призраки, а не подлинно сущее. Если бы поистине он был сведущ в том, чему подражает, тогда, думаю я, все его усилия были бы направлены на созидание, а не на подражание. Обо всем впрочем мы не потребуем отчета у Гомера или у кого-либо еще из поэтов; мы не спросим их, были ли они врачами или только подражателями языку врачей. ... Но когда Гомер пытается говорить о самом великом и прекрасном - о войнах, о руководстве военными действиями, об управлении государствами, о воспитании людей, - тогда мы вправе любопытствовать и задать ему такой вопрос: "Дорогой Гомер, если ты в смысле совершенства стоишь не на третьем месте от подлинного, если ты творишь не только подобие, что было бы, по нашему определению, лишь подражанием, то, занимая второе место, ты был бы в состоянии знать, какие занятия делают людей лучше или хуже в частном ли или в общественном обиходе: вот ты и скажи нам, какое из государств получило благодаря тебе лучшее устройство, как это было с Лакедемоном благодаря Ликургу и со многими крупными и малыми государствами благодаря многим другим законодателям?" Так не установим ли мы, что все поэты, начиная с Гомера, воспроизводят лишь призраки добродетели и всего остального, что служит предметом их творчества, но истины не касаются? ...С помощью слов и различных выражений он передает оттенки тех или иных искусств и ремесел, хотя ничего в них не смыслит, а умеет лишь подражать, так что другим людям, таким же несведущим, кажется под впечатлением его слов, что это очень хорошо сказано... - так велико какое-то природное очарование всего этого. ... Тот, кто творит призраки, подражатель, как мы утверждаем, несколько не разбирается в подлинном бытии, но знает одну только кажимость. Применительно к каждой вещи умение может быть трояким: умение ею

пользоваться, умение ее изготовить и умение ее изобразить. Значит, относительно достоинства и недостатков одного и того же предмета создатель его приобретет правильное представление, общаясь с человеком сведущим и волей-неволей выслушивая его указания; но знанием будет обладать лишь тот, кто этим предметом пользуется. ...О том предмете, который он изображает, подражатель не знает ничего стоящего; его творчество - просто забава, а не серьезное занятие. ... То же самое и с изломанностью и прямизной предметов, смотря по тому, разглядывать ли их в воде или нет, и с вогнутостью или выпуклостью, обусловленной обманом зрения из-за их окраски; ясно, что вся эта сбивчивость присуща нашей душе и на такое состояние нашей природы как раз и опирается живопись со всеми ее чарами, да и фокусы и множество разных подобных уловок. Следовательно, то начало нашей души, которое судит вопреки подлинным размерам предметов, не тождественно с тем ее началом, которое судит согласно этим размерам. ... Как раз к этому выводу я и клонил, утверждая, что живопись - и вообще подражательное искусство - творит произведения, далекие от действительности, и имеет дело с началом нашей души, далеким от разумности; поэтому такое искусство не может быть сподвижником и другом всего того, что здраво и истинно.... Стало быть, подражательное искусство, будучи и само по себе низменным, сочетаясь с низменным низменное и порождает. Подражательная поэзия изображает людей действующими вынужденно либо добровольно, причем свои действия люди считают удачными или неудачными, и во всех этих обстоятельствах они либо скорбят, либо радуются. ... А разве во всех этих обстоятельствах человек остается невозмутимым? Или как в отношении зрительно воспринимаемых предметов, когда у него получается распря с самим собой и об одном и том же одновременно возникали противоположные мнения, так и в действиях человека бывает такая же распря и внутренняя борьба? ...Душа наша кишит тысячами таких одновременно возникающих противоречий. Так, обычай говорит, что в несчастьях самое лучшее - по возможности сохранять спокойствие и не возмущаться, ведь еще не ясна хорошая или плохая их сторона, и, сколько не горюй, это тебя ничуть не продвинет вперед, да и ничто из человеческих дел не заслуживает особо серьезного отношения, а скорбь будет очень мешать тому, что важнее всего при подобных обстоятельствах. ... Тому, чтобы разобраться в случившемся, и, раз уж это, словно в игре в кости, выпало нам на долю, распорядиться соответственно своими делами, разумно выбрав наилучшую возможность, и не уподобляться детям, которые, когда ушибутся, держатся за ушибленное место и только и делают, что режут. Нет, мы должны приучать душу как можно скорее обращаться к врачеванию и возмещать потерянное и больное, заглушая лечением скорбный плач. ... Лучшее же начало нашей души охотно будет следовать этим разумным соображениям. А то начало, что ведет нас к памяти о страдании, к сетованиям и никогда этим не утешается, мы будем считать неразумным, бездейственным, под стать трусости. Негодующее начало души зачастую может быть воспроизведено различным образом, а вот рассудительный и спокойный нрав человека, который никогда не выходит из себя, нелегко воспроизвести, и, если уж он воспроизведен, людям бывает трудно его заметить и понять, особенно на всенародных празднествах или в театрах, где собираются самые разные люди, ведь для них это было бы воспроизведением чуждого им состояния. ... Ясно, что подражательный поэт по своей природе не имеет отношения к разумному началу души и не для его удовлетворения укрепляет свое искусство, когда хочет достичь успеха у толпы. Он обращается к негодующему и переменчивому нраву, который хорошо поддается воспроизведению. ... Таким образом, мы по праву не приняли бы его в будущее благоустроенное государство, раз он пробуждает, питает и укрепляет худшую сторону души и губит ее разумное начало: это все равно что предать государство во власть людей негодных, а кто по приличнее, тех истребить. То же самое, скажем мы, делает и подражательный поэт: он внедряет в душу каждого человека в отдельности плохой государственный строй, потакая неразумному началу души, которое не различает, что больше, а что меньше, и одно и то же считает иногда великим, а иногда малым, создавая поэтому образы, далеко отстоящие от действительности. Я думаю, мало кто отдает себе отчет в том, что чужие переживания для нас заразительны: если к ним разовьется сильная жалость, нелегко удержаться от нее и при собственных своих страданиях. Будь то любовные утехы, гнев или всевозможные другие влечения нашей души ее печали и наслаждения, которыми, как мы говорим, сопровождается любое наше действие, - все это возбуждается в нас поэтическим воображением. Оно питает все это, орошает то, чему надлежало бы засохнуть, и устанавливает его власть над нами; а между тем следовало бы держать эти чувства в повиновении, чтобы мы стали лучше и счастливее, вместо того, чтобы быть хуже и несчастнее. Уступи им, что Гомер самый творческий и первый из творцов трагедий, но не забывай, что в наше государство поэзия принимается лишь постольку, поскольку это гимны богам и хвала добродетельным людям. Если же ты допустишь подслащенную Музу, будь то мелическую или эпическую, тогда в этом государстве воцарятся у тебя удовольствие и страдание вместо обычая и разума... Считаешь ли ты, что благо и зло существуют для каждой вещи? Например, для глаз -

воспаление, для всего тела - болезнь, для хлебов - спорынья, для древесины - гниение, для меди и железа - ржавчина, словом, чуть ли не для каждой вещи есть именно ей свойственное зло и болезнь? ... Значит, каждую вещь губят свойственные ей зло и негодность, но если это ее не губит, то уж ничто другое ее не разрушит. ... Порча тела - болезнь - изнемождает и разрушает тело, а это приводит к тому, что оно уже перестает быть телом; так и все то, что мы теперь перечислили, приходит к небытию, вследствие собственной порочности, которая своим назойливым присутствием губит все изнутри. Значит, и душу рассмотри точно так же. Может ли присутствующая в ней несправедливость и прочая порочность извести и уничтожить ее своим присутствием до такой степени, чтобы довести ее до смерти, отделив от тела. Обрати внимание, Главкон, что мы не считаем, будто тело должно погибнуть непосредственно от испорченной пищи, в чем бы эта порча ни состояла, то есть если пища несвежая, протухшая и так далее. А вот когда испорченная пища вызывает в теле телесный недуг, тогда мы скажем, что тело гибнет хотя и через посредство пищи, но от своего собственного порока, иначе говоря, от болезни. А от порчи съестного, поскольку съестное и тело - разные вещи, мы считаем, тело никогда не гибнет, пока это постороннее телу зло не вызовет в нем зла, свойственного телу. ... На том же самом основании, если порча тела не вызывает испорченности души, присущей ей самой, мы никогда не признаем, будто душа гибнет от постороннего зла, помимо своей собственной испорченности: это зло и присущее ей зло - разные вещи. ... Мы ни за что не согласимся, будто душа гибнет от горячки или другой болезни либо от перерезанного горла: если даже изрубить все тело на мелкие кусочки, все это нисколько не увеличивает возможности ее гибели, пока нам не докажут, что из-за этих страданий тела она сама становится менее справедливой и благочестивой. Если постороннее зло возникает в чем-то постороннем, а собственное зло не рождается, мы не позволим утверждать, будто душа или что-то другое гибнет. И раз ни одна из них не погибает, то количество их не уменьшается и не увеличивается. Ведь если бы увеличивалось количество того, что бессмертно, это могло бы произойти, как тебе известно, только за счет того, что смертно, и в конце концов бессмертным стало бы все. Чтобы узнать, какова душа на самом деле, надо рассматривать ее не в состоянии растления, в котором она пребывает из-за общения с телом и разным иным злом, как наблюдаем мы это теперь, а такой, какой она бывает в своем чистом виде. Именно это надо как следует рассмотреть с помощью размышления, и тогда ты найдешь ее значительно более прекрасной, и к тому же можно будет отчетливее разглядеть различные степени справедливости и несправедливости и вообще все то, что мы теперь разбирали. Разве не признаем мы, что для того, кто угоден богам, все, что исходит от них, будет величайшим благом, если только не положено ему какого-нибудь неизбежного зла вследствие допущенного проступка. ... Стало быть, то же самое надо признать и для справедливого человека, все равно, постигнет ли его нищета, болезни или что иное из того, что считается злом, все это в конце концов будет ему во благо при жизни и после смерти.